

Алексей Вурдов

Древняя Удора

2020

Введение

Ещё 8-10 тысяч лет назад на территории современной Удоры проживали племена угро-самедийской группы. И в настоящее время неолитическая эпоха подтверждается археологическими памятниками. Но, особенно примечательны поздние эпохи раннего, среднего и позднего средневековья, когда древний коми-зырянский этнос в XIII веке н.э. окончательно приобрёл свою значимость в рамках архаичного этнокультурного образования.

По материалам археологических исследований за период с 60-х годов прошлого века до 2001 года выявлены 21 поселений и местонахождений эпохи раннего средневековья, а именно, в четырёх местах по реке Мезень: Кужимском – 3 поселения, лоптюжском – 5 поселений, усогорском – 4 поселения, ойчошском – 6 поселений и местонахождений. Причём, между усогорским и ойчошским участками в местечке Шешты обнаружено ещё одно местонахождение. А на реке Вашка найдены два археологических памятника: поселение Смолокурный и местонахождение Вендинга. Кроме того обнаружены ещё стоянки древних людей более позднего периода на участках реки Мезень от деревни Мелентьево до села Большая Пысса и на притоке Йирва, которые требуют дополнительных археологических исследований.

Все вышеназванные памятники датируются в следующем порядке:

- Кужим, Ошчой – V-VI в.в. н.э.;
- Смолокурный, Ядмас – I и II, Мичачой–III – VI – VIII в.в. н.э.;
- Мичачой – II, Шешты – VII век н.э.;
- Усогорск – III, Чойнövты, Вендинга – VII – VIII век н.э.

И в настоящее время неолитическая эпоха подтверждается археологическими памятниками. Но особенно примечательны поздние эпохи раннего, среднего и позднего средневековья, когда древний коми-зырянский этнос окончательно приобрёл свою значимость в рамках архаичного этнокультурного образования. Несмотря на недостаточную изученность удорского (мезенского) ареала, можно утвердительно указать на наличие ранних постоянных древних поселений в бассейне реки Мезень и притока Вашка.

Настоящая карта-схема бассейна реки Мезень на территории Удорского района Республики Коми составлена главным образом на материалах разведочных и стационарных раскопок мезенских поселений, их местонахождений второй половины I тыс.н.э., открытых и исследованных в результате полевых работ отдела археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Первые достоверные археологические памятники эпохи средневековья были найдены на реке Мезень и реке Вашка в середине XX в. (начало 60-х годов), а далее работы периодически продолжались в 70-е – 80-е годы, вплоть до последнего десятилетия. Однако, объёмы

обобщающих исследований по дальнейшему обнаружению поселений ванвиздинской археологической культуры (см. примечание) до сих пор недостаточны.

Судя по числу очагов (кострищ), а также по площади (от 217 до 3 000 кв.м), самыми крупными поселениями оказались Ядмас – I, Кужим – II и Мичачой – III.

По разнообразию и характеристике находок и, главное, по составу вещевого инвентаря можно заключить, что основная повседневная жизнь людей была сосредоточена около крупных очагов: здесь варилась пища, изготавливалась глиняная посуда, обрабатывались шкуры животных, использовали кремневые скребки, восстанавливали железо из болотных руд, занимались бронзолитейным делом, создавали искусные украшения, символы, игрушки и культовые предметы, пользовались каменными и металлическими орудиями труда, занимались охотничьим промыслом и рыболовством, скотоводством и земледелием ...

Даже малая часть раскрытых тайн о жизни далёких предков представляет собой удивительный мир об уникальности и самобытности древней Удоры. И, прежде, необходимо окунуться в этот мир, чтобы глубже ощутить «дыхание» истории родного края.

Примечание:

Ванвиздинская археологическая культура существовала во второй половине I тыс. н.э. (VI – X вв. н.э.) на северо-востоке европейской части России. В географическом отношении археологические памятники тяготеют к бассейнам пяти крупных рек – Вычегды, Мезени, Северной Двины, Печоры и Камы. Своё название культура получила от археологического памятника открытого в 1919 году у деревни Ванвиздино на реке Вычегда.

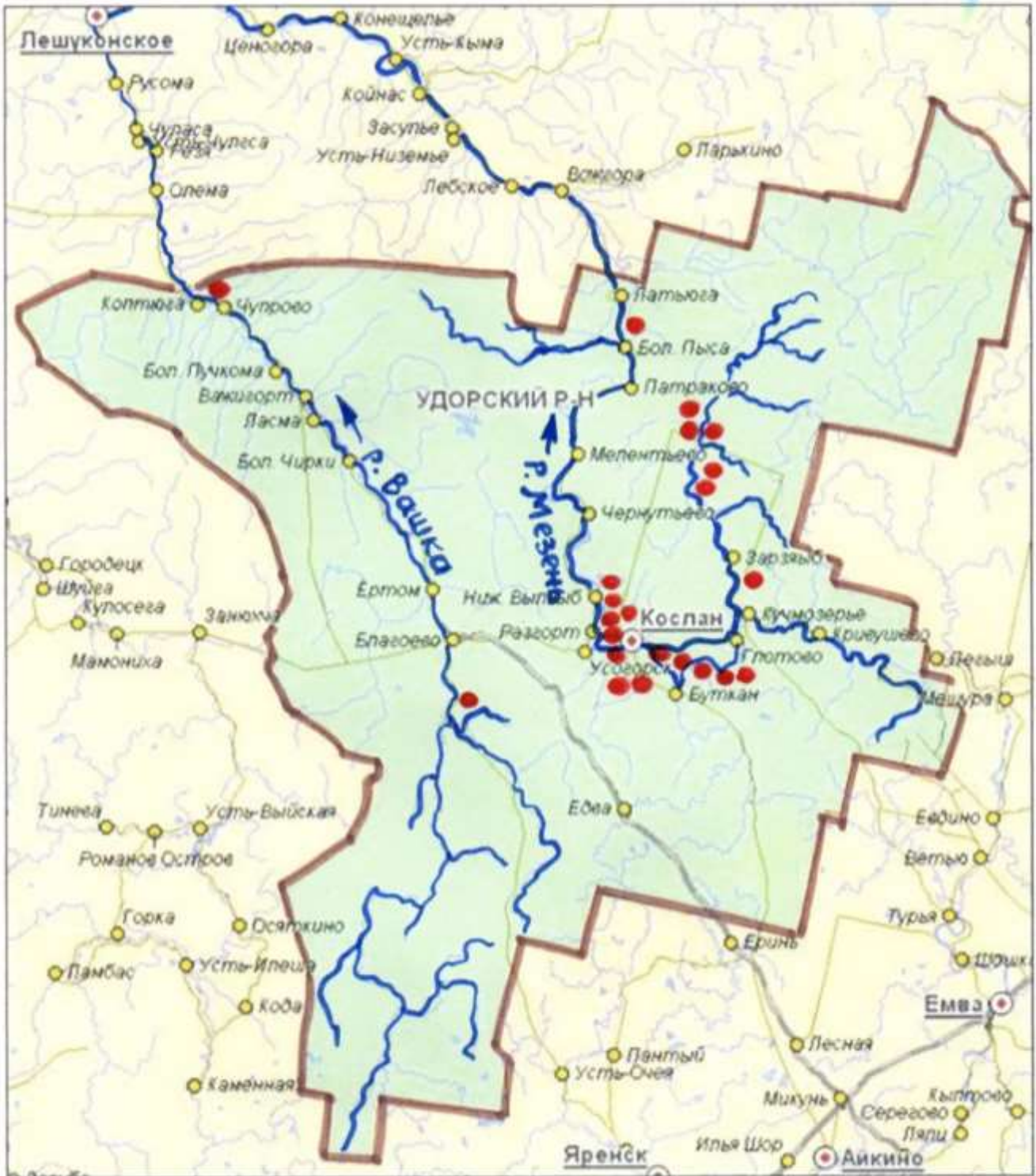
Бассейн реки Мезень расположен между 62°10' и 66°18' с.ш. и 43°10' и 51°15' в.д. Площадь его равна 79 650 кв. км, из которых к территории Республики Коми относится 33 940 кв.км.

Длина Мезени в пределах Республики Коми от истоков до деревни Латьюга (т.е. в границах Удорского района) до 505 км. С юго-востока и востока бассейн ограничивается водоразделами Мезени и Вычегды с абсолютными высотами 210-230 м. Малые реки обоих бассейнов близко сходятся своими верховьями, между которыми имеются волоки (реки Яренга и Вашка, Ёлва и Ирва). Северо-восточная граница проходит в области Четласского Камня Тимана с абсолютными высотами до 500 м. Отроги Тимана проникают на территорию бассейна, один из которых (с абсолютными высотами до 190 м) тянется к югу до села Кослан и вызывает образование крупной петли реки Мезень. На остальной части бассейна Мезени рельеф равнинный, местами всхолмленный (с абсолютными высотами от 130 до 180 м).

Почвы преимущественно подзолистые и болотные. Около 89% занято лесами, около 10% - болотами и только 1% - сенокосами, пастбищами и пахотными землями. Река Вашка – главный приток, длина 668 км, площадь водосбора – около 20 000 кв.км., около 500 км протяжённости – на

территории Удорского района. Вашка берёт своё начало в болотах Мезенско-Вычегодского водораздела. Вообще, Удорский край расположен по широте в подзонах северной и средней тайги таёжной зоны.

Археологические памятники

● - поселения и местонахождения

Часть I. Быль о древней Удоре

Родовые знаки и коми алфавит

В традиционном быту родовые знаки удорцев были знаками собственности и родовой принадлежности. Они изначально имели свои названия: «чӧж кок» (утиная нога), «чӧж лап» (утиная лапа), «дзодзӧг лап» (гусиная лапа), «кыктшупӧд» (две грани), «куимлӧсас» (три зарубки), «розь» (дырка), «чербӧж» (нижний конец лезвия топора), «тшупӧд», «лӧсас», «червень», «ректан кок» (ножка мотовила), «паркома», «чеп» (цепь). Эти названия свидетельствуют о том, что они были связаны с промыслом и домашним хозяйством. Знаки («пасы») ставили на самых различных объектах семейной и личной собственности: амбарах, лодках, охотничьих и рыболовных снаряжениях, домашней утвари, посуде, орудиях труда и т.д. Каждый род имел свой родовой знак, а с появлением последующих поколений дополнялся каким-то элементом (чёрточкой, зигзагом, овалом, точкой, галочкой).

Рисунки родовых знаков удорцев несложные, потому что их выполняли, в основном, зарубками с помощью топора, ножа. Это наклонные кресты (грани), прямые и косые насечки, углы, круги, змейки, лапки.

Родовой знак служил и своеобразным оберегом. Кстати, «пас» - основа передавался от отца к младшему сыну, наследнику, в неизменённом виде, а к старшим сыновьям – добавлялись новые детали или изменения его расположения. Примером служат родовые знаки Логиновых из деревни Ыбула, Вурдовых, из деревень Борово и Кучмозерья и других родовых фамилий.

Часты были случаи, когда один и тот же родовой знак использовался несколькими поколениями. Особенно широко использовался знак «V» («червонь»). К примеру, и в Муфтыге, и Кривом, Ёртомe, Глотова, Макарыбе, Важгорте.

Причём, до сих пор и Вашкинские, и Мезенские жители пользуются этими символами. Даже в промысловых угодьях сегодня внуки и правнуки, отдавая дань памяти своим предкам, обозначают зарубками свою принадлежность родовым «пасом». А ещё, старинные дедовские угодья, которые сохранились и сегодня, приобрели так называемый «статус памяти» среди продолжателей поколений.

С распространением грамотности родовые и семейные знаки были вытеснены инициалами и личными подписями. До наших дней учётных знаков на Удоре сохранилось более 245 (по состоянию на 2012 год). (Перечень родовых знаков («пасов») по Удорскому району прилагается (составитель Н.М. Багаева, с. Кослан).

В целом, родовые знаки представляют собой символическую генеалогическую, а в дальнейшем, сыграли огромную роль в составлении древнего коми алфавита, так как многие элементы были использованы в качестве букв.

Древний коми алфавит состоит из 26 букв (знаков). С появлением коми письменности постепенно упорядочилась и лексика словесности, хотя термины и диалекты остались прежними. В 1510 году впервые на коми языке была написана псалтырная книга, а ещё позже и первый словарь.

КОМИ АЛФАВИТ 	
XIV НЭМ	ÖНІЯ КАДСЯ
Ф Р Ш Э 7 7 2 П П Т Т 2 Б	А Б В Г Д Дь Дж Дз Ж З Зь И И, i К Л ЛЬ М Н НЬ О П Р С СЬ Т ТЬ ТШ У Ш Э Ф.Х.Ц.Я.Ю.Е.Ё

Язычество и вера

Издrevле языческие божества высшего ранга (Бог земли, Бог солнца, Бог воды) в среде коми-зырян имели исконное верование. Символом поклонения служил священный столб, который устанавливался в центре поселения. Верхняя часть столба была орнаментирована резьбой в виде лучей солнца, ниже – изображение небесных светил, далее – земные обитатели (птицы, звери, растения, люди), на фоне волнистых линий – рыбы и зубчатый орнамент с радиальными линиями. Помимо этого изготавливались и деревянные статуэтки поклонных идолов разных размеров. Такие образы имели двойственное значение: в одном случае в качестве хранителя и благодетеля, а во втором – память об усопших близких. Для культовых ритуалов использовались символические предметы священных зверей и птиц (медведь и сокол). К примеру, предметы из бронзы с изображением медведя были найдены в местах древних поселений на «Кужим – II» (верховье реки Мезень) и близ современной деревни Макарыб, а бронзовая хищная птица – на поселении «Усогорск – III». На поселении «Ядмас - I» в числе вещевого инвентаря обнаружены три антропоморфные фигурки, вылепленные из глины с намеченными чертами лица и конечностями. Все эти находки относятся к периоду VI-VIII в.в. н.э. Амулеты из ценных минералов также служили в качестве оберегов.

Конечно же, имели место быть и религиозные суеверия. Бытовали образы низшей мифологии (леший, домовый, водяной и прочие) неспроста ибо люди очень часто сталкивались в повседневной жизни с необъяснимыми явлениями. И примеров тому достаточно. Порою, лучшие стрелки-охотники не могли добыть зверей, так как не попадали с близкого расстояния ни стрелами, ни копьями либо ловушки не срабатывали вовремя. Во время рыбной ловли рыба плещется перед глазами, а в снасти не заплывает.

Считали, что лесной дух или водяной дух разгневаны на неблагодарных людей. Поэтому, «мезенские» и «вашкинские» перед промыслом приносили духам-хозяевам разные подношения. Так, лесному духу в глухом лесу клали на пень сочень с просьбой послать удачу на охоте. Перед рыбной ловлей, к примеру «вашкинские» опускали на воду цельный круглый хлеб («жытей нянь») и омывали амулеты, а «мезенские» - хлебные кусочки и горсть земли с местообитания.

Но, кроме промысловых культов удорцы также сохраняли культовое отношение огню и деревьям. К примеру, «вашкинские» охотники считали, что огонь раньше был человеком. По этой причине, перед приёмом пищи обязательно совершали обряд «кормления» огня, бросая в него крошки хлеба. А вот «мезенские» - чаще лишь остатки пищи со словами благодарности огню. Вообще, в огонь возбронялось плевать, иначе на губах ослушников появлялась короста («лом»). Нельзя было затапывать ногами, а полагалось заливать водой. Огню предавалась очистительная сила.

Широко практиковался и обряд очищения огнём в случае неудач на промысле. Охотники и рыбаки разводили большой костёр, бросали туда лоскутки от одежды, охапку хвороста и после произнесения заговора: «Если из воды – в воду, если из леса – в лес, если из человека – в огонь!» - все перепрыгивали через костёр либо обходили его три раза, обязательно сквозь дым. А вот обряд очищения от «бытовой скверны» перед охотой проходил у порога дома или лесной избушки перешагиванием через костёр из можжевельника либо лучин вынесенных из жилища.

Но, всё-таки, не зря наиболее верным способом очищения считалась баня, после которой переодевались в чистое бельё.

Не было исключением и одушевление деревьев. Люди верили, что деревья по ночам «разговаривают» между собой, сообщая увиденное днём. А ещё, при устройстве ночлега в лесу полагалось предварительно спрашивать разрешения у того дерева, под которым охотник укладывался, иначе оно своим шумом не давало уснуть.

Естественно, существовали определённые заговоры, ибо вера в магическую силу слова и то, что животные понимают обращённую к ним речь и сейчас не потеряла своей актуальности.

В XIV – XV в.в. н.э. христианизация коми-зырян на Удоре и беспощадная борьба с народными верованиями, начата епископом Стефаном Пермским, а затем успешно продолженная его приемниками, привела, в конце концов, практически полному исчезновению и забвению некогда бытовавших в среде коми удорцев религиозных воззрений, хотя ещё долгое время старообрядческие традиции сохранялись в сознании людей.

Неудивительно, что с образами низшей мифологии, которые, как правило, не находили себе места в официальной религии, церковь просто причисляла их и подобные формы к нечистой силе.

Быт и хозяйство племени

Поселение племени строилось на сухой террасе близ берега реки. Возвышенность, которая выбиралась для местожительства «очерчивалась» границей: где-то рвом, а где-то сплошными кольями. Вырытые землянки входом с южной стороны располагались полукругом либо клином. Подобное жилище из расчёта на 5-7 человек обустраивалось в два яруса, а внутри оборудовалась креплениями из деревянных конструкций. Верх устилался берестяной «крышей» (настил) во избежание протечки воды. Сбоку от жилища строили односкатную хозяйственную постройку с ямой для хранения пищевых припасов (мясо, рыба, ягоды, грибы).

Причём, от каждого жилища был запасной подземный выход в обратном направлении от входа. Во избежание обрушения слоя земли проход оборудовался деревянными подпорками. Помимо вентиляционных створов в небольших боковых нишах размещались «кладовые», где хранились резервные запасы пищи и необходимого имущества. Кроме того, в каждом жилище была маленькая печка-«каменка» с вытяжной трубой, которая затопливалась только в холодную погоду и только с разрешения старейшины племени. Всем домашним хозяйством руководила хозяйка семейства, поэтому обустраивать и поддерживать быт в жилище приходилось ей. Однако, главное слово в исключительных случаях было за главой семейства.

С тыльной стороны территории поселения под навесом размещалась каменная печь для обжига глиняной утвари, плавления рудных пород, каления металла и т.д.

Мастеровой по литейному и кузнечному делу ковал наконечники стрел, копий, остроги, культовые изделия, ножи, топоры и даже женские украшения. Причём, какого-то разделения по видам ремёсел не существовало. Поощрялось всякое благое начинание, усердие, трудолюбие, поэтому, гончар мог быть одинаково успешным кожевенным мастером, литейщик-кузнец отменным охотником, рыбак – плотником и т.д. Кстати, обучение детей трудовым навыкам по профильным ремёслам начиналось с малолетства. Девочек к женским обязанностям приобщала мать, а мальчиков трудовой повинности обучал отец. Надо учесть, что суровые условия жизни определённым образом влияли на формирование психики детей и каких-либо поблажек либо излишней жалости по очевидным причинам не допускалось. В конечном итоге, подобные формы воспитания в большей степени укрепляли моральный потенциал к предстоящим тяготам и лишениям.

Обычно племя состояло из 4-7 семей. Глава племени определял состав Совета племени из числа глав семей. Такое верховенство являлось наиболее приемлемой формой управления и единения. Все жизненно важные вопросы, а также споры решались на Совете, и большинством голосов вердикт считался окончательным. Но, существовал непреложный закон – решения оглашались публично у священного столба, который стоял в центре поселения, как символ родового начала и поклонения Богам. Здесь же проводились различные обряды и ритуалы.

Следует отметить, что ведение хозяйства, в основном, ложились на плечи женщин, а также помогали им дети. Остальные виды работ (промысловые, строительные, земляные, заготовительные) выполнялись мужчинами.

Вся бытовая утварь изготавливалась по назначению с учётом потребностей. К примеру, деревянные кадки, чашки, ковши, теса, ложки, глиняные сосуды использовались для пищевых продуктов.

Перед выделкой шкуры зверей замачивали в больших деревянных кадках либо чанах с водой, куда добавляли нужное количество золы. В жилищах в качестве освещения пользовались лучинами, скрепляя их в расщепы из кости.

Из рыбьей чешуи варили клей, а топленый жир из потрохов употребляли как профилактическое средство от болезней.

Кроме сбора целебных трав, люди использовали ещё некоторые растения для получения естественных красителей. К примеру, из корня подмаренника северного – красную краску, для жёлтого цвета – мох-зеленец, бородач лихайдник – для получения оранжевого цвета, ползучий

мох плаун – синего, а из отвара конского щавеля, собранного во время цветения, получали чёрную краску.

Единственный очаг (кострище) диаметром до 3 м служил не просто для приготовления горячей пищи, но и общим местом общения.

Очень важной составляющей для выживания была соль. Если глюкозу (сахар) необходимую для организма добывали посредством сбора ягод (малина, костяника, смородина, брусника и др.), то соль была дефицитом. Однако, мужчины, как добытчики, самый ценный продукт находили именно на болотах и лесных озерах («вад»). Поиски были сопряжены большими трудностями, так как оставались два варианта удачи: первый, когда находили солёный источник в виде родника; второй – так называемые «красные» болота и озера. По первому варианту пищу варили на солёной воде либо мясо рыбы, птиц, зверей выдерживали в этом растворе. А по второму варианту, искали соляные ямы насыщенные железом и путём выкапывания глубоких ям добывали почвенную смесь, а затем выпаривали её в деревянных лотках и оттуда уже отбирали соль.

К примеру, в трёх километрах от деревни Мучкас есть соляное озеро, откуда со дна добывали соль путём выемки уже много веков назад. А с болота, в четырёх километрах от деревни Борово, что на реке Ирва (приток реки Мезень), из соляной ямы также местные жители на протяжении двух веков добывали соль.

Ранее, вместо хлеба из злаковых культур, использовали травяные растения и с добавкой лесных грибов изготавливали лепёшки в качестве повседневной пищи.

В основном, меню состояло из шести видов блюд:

- жаркое на вертеле (мясо птиц, зверей и рыбы);
- печёное в золе (мясо и лепёшки);
- варёное в глиняной посуде (супы с мясом и травами);
- сушёное и вяленое (мясо и рыба);
- напитки из настоев трав и чаги берёзовой, осиновой;
- варенья из ягод и плодов кустарников и деревьев.

Использовались и некоторые соленья (рыба, грибы, икра рыб). А в качестве главного салата использовались свежие побеги ягеля. На зиму в ямах замораживали и ягоды, и грибы, и плоды черёмухи, рябины, и рыбу, и мясо дичи и зверей. В качестве приправ использовали сушёные травы и корни. Широко применялись и топлёные внутренние жиры и в том числе рыбий жир, бобровая желчь. В качестве масляной лампы для освещения – чаще всего топлёный жир россомахи.

Надо отметить, что жилище состояло из двух ярусов, из них второй (нижний) предназначался для спальни. Применялась строгая дисциплина по профилактике общей санитарии и личной гигиены. Например, каждое утро и вечером, перед сном жилище окуривалось с

использованием горящих можжевельновых веток и лесной мяты. Детская спальня примыкала рядом. По углам и периметру жилища настилали ягелевый мох. На пол настилали шкуры оленей. Круглосуточно в каждом жилище осуществлялось дежурство из числа взрослых женщин, которые также поддерживали очаг. Причём, огонь поддерживали постоянно, круглые сутки. Дежурные строго следили за окружающей обстановкой и в случае опасности поднимали тревогу звуковыми сигналами из рога.

Время отсчитывали от полнолуния до полнолуния посезонно и выстраивали свой природный календарь, который включал до 18 временных периодов. Поэтому, четыре-пять видов верхней одежды вполне отвечали сезонному ношению в течение календарного года. В отличие от мужчин, которые носили костяные или металлические амулеты, женщины, в зависимости от статуса, отличались особыми украшениями – бронзовыми цепочками и браслетами, кулонами и бусами из ценных минералов, золотых самородков.

А вот костяные и глиняные игрушки для детей, представляли из себя фигурки различных зверей и птиц. Но, важнее всего явились новшества и перемены в хозяйстве, когда железолитейное дело постепенно обрело широкое применение. Совершенствовались орудия труда, предметы быта, снаряжение.

Охота

Испокон веков охотничий промысел занимал ведущую роль в жизни коми удорцев. Промысловая значимость, по сути, определяла формирование и развитие культуры, традиций и уклада жизни.

Пища, одежда, обувь, быт, предметы снаряжения и орудия лова напрямую зависели от уровня охотничьего промысла. Причём, даже планирование семьи по поддушевной численности учитывалось от возможностей и условий выживания.

Место поселения племени также выбирали с учётом численности в округе зверей и птиц, характеристики типа леса, наличия подземных ключей, речек, сухих возвышенностей, а ещё и солевых источников. Правда, не всегда удавалось отыскать солевые ямы и чаще пользовались прежними запасами либо посредством обменных отношений заимствовали у другого племени. И всё-таки обособленность племён между собой объяснялась несколькими существенными факторами:

- ✓ существовали культовые языческие различия в укладе жизни;

- ✓ сохранение родословных традиций;
- ✓ наличие железолитейных технологий и способов добычи зверей и птиц;
- ✓ территориальная приверженность в целях закрепления и освоения владений (промысловых участков).

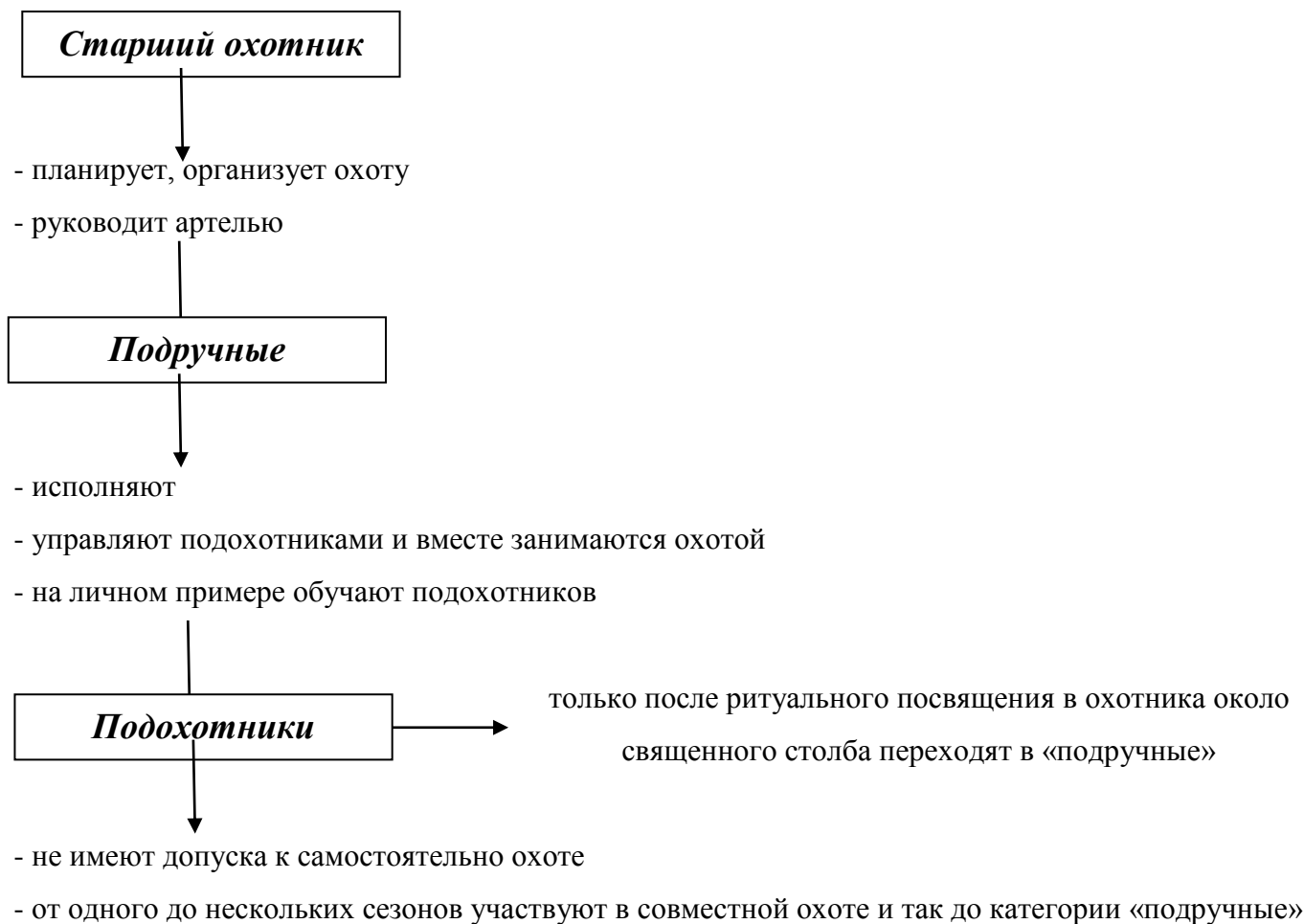
Хотя были исключения, когда по соседству малочисленное племя вливалось в большую семью с другим более благополучным племенем. Как правило, вокруг поселения или местонахождения, определялись границы промыслового угодья. Но, в любом случае, маршрут начинался от Большой реки. Ориентирами служили чаще всего крупные, высокие деревья, в комлевой части которых делались затёски с обозначением символических родовых знаков. На звериных тропах устраивались различные ловушки давящего типа, и замаскированные ямы на крупных копытных зверей. Хотя и способы промысла казались примитивными, охотники имели опыт загона копытных зверей (лось, олень) во время их переходов и гонов в узкие лощины либо к реке, где в засаде поджидали стрелки. По данным археологических раскопок подтверждается ещё и тот факт, что основными объектами промысла являлись лось, олень, бобр, рысь, россомаха, выдра, лисица, белка, куньи. Судя по кальцинированным косточкам, отсутствуют останки зайца и медведя. Известно, что медведь считался священным диким животным среди коми удорцев и почитался как добродетель и хранитель обитателей леса. Конечно же, люди избегали конфликтов с медведем и нередко, в случаях удачной охоты, в знак благодарности оставляли зверю часть добычи.

Внешне охотничья одежда мало чем отличалась от повседневной кроме как накидки с чехлом для топора, кожаных бахил, пояса с ножнами, лука со стрелами и копья. Из охотничьего снаряжения обязательными были лапоти-плетёнки, кожаный мешок, лыжи камусовые и нарты.

Однако, промысловая культура имела свои правила и требовала от каждого охотника знания о повадках промысловых объектов; умение ориентироваться на местности; владеть навыками скрытно выслеживать зверя; точно попадать в цель; проявлять смекалку, выносливость, смелость; познавать растительный и животный мир и т.д.

В каждом племени существовала некая иерархия по категориям промысловиков и в первую очередь среди охотников. К примеру, старший охотник, его подручные и подохотники (возраст до 16 лет):

Причём, помимо основного занятия охотники были поистине мастерами и умели не только строить жилые и хозяйственные строения, печи и запасные подземные ходы, а ещё составляли карты отдалённых территорий на бересте и коже. Случалось, когда приучали хищных птиц и зверей, одомашнивали диких оленей, использовали их вместо вьючных животных.

Рыболовство

Несомненно, рыболовство издревле являлось первостепенным промысловым занятием наравне с охотой. Ещё в III-IV веке н.э. люди научились плести рыболовные сети из двупрядной верёвки, свитой из корешков и листьев осоки, а также из волокон крапивы. Такие снасти предназначались для лова крупной рыбы (размер ячеи 50x50 мм, и были связаны ликотовым (косым) узлом, которым до сих пор вяжут и современные сети. Более поздний период использовались нитки из конопли или льна. Однако, в качестве заменителя конопли чаще использовали крапиву, так называемую дикую коноплю («дикий пыш»). Дикой пыш собирали осенью в лесу, сушили, а потом вымачивали несколько недель в озёрках и опять высушивали. Затем эту крапиву мяли на деревянной мялке, вычёсывали и делали пряжу и нитки.

Самыми распространёнными орудиями лова оставались невод («тыв»), ботальная сеть-трёхстенка и бредень («ковтым»). Причём, применяли и сеть-одностенку, сшитую в виде мешка с диаметром входного отверстия до 4 м («сірп»). К нижнему краю входного отверстия прикреплялись три глиняных грузила, а к обоим углам верхнего края – две верёвки. Техника лова

рыбы с помощью «сірпа» была следующая: две лодки, по одной с каждого края, сплавляли невод по реке, в третьей лодке вслед за неводом плыл «отдевальщик», а ниже по течению с двух лодок устанавливался с помощью двух шестов «сірп» отверстием против течения, чтобы входное отверстие не складывалось, верхний край его подтягивали верёвками. Когда невод приближался к «сірпу», его доставали и вынимали попавшую рыбу, а затем снова устанавливали в 40-50 м ниже по течению. При ловле неводом с мотней «сірп» не требовался. Кроме того, с помощью «сірпа» на Мезени ловили крупную рыбу – сёмгу, нельму, хариуса и т.д. В этом случае «сірп» использовали как обычную плавную сеть.

Существовал ещё один древний способ ловли рыбы. В проточных заводях и курьях из кольев сооружали ловушки-«карманы» и оставляли входное «окно». По большой воде рыба заходила внутрь и попадала в западню, затем проход закрывали плотным щитом и потом, по мере убывания уровня воды, крупную рыбу вылавливали плетёными сачками, а мелкую – обратно выпускали из «кармана».

Надо отметить, что во всех этих довольно примитивных способах ловли рыбы, были очевидными условия по сохранению водных биоресурсов.

Но, наиболее широко применялся сезонный промысел лова во время подъёма по рекам лососевых и тресковых видов рыб. Надо учесть, что ещё два столетия назад водными обитателями реки Мезень являлись 23 вида рыб и 2 вида рыбообразных, среди которых ценили такие породы как сёмга, нельма, сиг, пикша, омуль, пелядь, чир, муксун, камбала, хариус и другие. Рыбные

припасы на зиму не раз спасали местные племена от голодной смерти, особенно в неурожайные годы ягод и грибов, малочисленности зверей и дичи в тайге. Поэтому, сезонное рыболовство имело особую значимость.

В основном, практиковался наиболее доступный способ добычи – лучение, когда на лодке, выезжая в тёмное время суток на водоём либо реку, рыбак разжигал связку мелко нарубленных дров и сплавлялся вниз по течению вдоль берега или стоял в узких проходах, выжидая подъём рыбы. Крупную рыбу кололи острогой и реже использовали гарпун, которым поражали броском с удобного расстояния стоявших рыбин на порожистом мелководье. Орудия лова

изготавливались из кости и железа. Рыба поднималась косяками и, несомненно, наиболее успешным являлся артельный улов.

Одновременно применялся и запорный способ лова рыбы. В узких местах русла реки, где порожистые участки, из камней строились перегородки в виде искусственных нагромождений с несколькими проходами для рыбы. День и ночь рыбаки, вооружённые острогами, сторожили, дабы не упустить добычу. И таким образом без улова не оставались. После окончания путины каменные перегородки разбирали, и река вновь обретала прежний вид.

Кроме того, к рыболовному инвентарю принадлежали металлические крючки из железа и бронзы, реже из кости, которые использовались, в основном, при лове жерлицами и иной придонной снастью.

Следует отметить, что многие древние способы лова рыбы и в наши дни не утратили свою значимость и практическое применение.

Земледелие и скотоводство

С налаживанием торгово-обменных отношений между племенами менялись и формы хозяйствования. От соседних южных племён перенималась агротехника по выращиванию зерновых культур (рожь, ячмень, лён), обработка земли сохой и последующим боронованием, применение зольных удобрений и илово-травяного компоста.

В целом, недалеко от поселения выбирались наиболее плодородные почвенные участки с гумусовым слоем, вырубались деревья и кустарники, выкорчёвывались корневища и весь древесный материал сжигался. После чего, деревянной сохой с железным наконечником прокладывали параллельные борозды и сеяли. К сожалению, из-за неблагоприятных климатических условий и повышенной кислотности почв урожай снимали небогатый, а то и вовсе всходы замерзали до созревания колосьев либо летняя засуха также уничтожала посеvy. Таким образом, земледелие в хозяйстве играло второстепенную роль и широкого применения среди поселенцев на территории бассейна Мезень не нашло. Чаще зерно завозили от южных соседей по схеме «товар на товар» и таким способом пытались решать свои насущные потребности.

А вот направление развития домашнего скотоводства имело практическую повсеместную значимость. Ещё в третьей четверти I тыс. н.э. люди уже владели навыками скотоводства, о чём свидетельствуют найденные кости мелких парнокопытных (овца или коза) на поселениях «Усогорск – III» и «Кужим - II» (крупный рогатый скот). Впрочем, домашних животных представляли низкорослые лошади, собаки длинношёрстные, козы и овцы. Кроме того, на поселении «Смолокурный - I» обнаружены были в результате раскопок фрагменты бивня или зуба мамонта, а на поселении «Мича-чой -III» - уникальная поделка из рога шерстистого носорога.

Христианство и письменность

Для народов коми-зырян огромное значение приобрело просветительское дело, как создателя первой азбуки коми языка, Стефана Пермского, одного из выдающихся проповедников православия.

Однако, следует отметить, что до этого Кирилл и Мефодий, уроженцы византийского полиса Солуна (современный город Солоники в Греции), хорошо знали язык славян, проживающих в окрестностях города. Высокообразованным братьям-богословам было поручено важное государственное дело – крестить славян, расселившихся вдоль Римской империи по берегам реки Морава. Перед выполнением этой миссии Кирилл и Мефодий перевели богослужебные тексты на славянский язык.

Стефан Пермский, родом из Великого Устюга, где изучал богословие, старославянский и греческий языки, знал и язык коми-зырян. Перед походом по берегам рек Северной Двины и Вычегды сочинил азбуку для коми-зырян с учётом родовых знаков местного населения. Несмотря на все трудности он сумел проповедью и молитвой окрестить зырян, и в первую очередь на Усть-Выми. И практически коми люди перестали кланяться прежнему идолу – большой берёзе, восприняв призыв: «Мунам Енӧсвидзӧдны!» («Пошли смотреть Бога!»)... К концу своей жизни первопроевсетитель коми народа был рукоположен в сан епископа Пермского края и назначен управителем Усть-Вымской волости. Скончался святой Стефан в 1396 году и был похоронен в Московском Кремле. Канонизирован в 16 веке. Именем святого Стефана Пермского назван самый главный храм в столице Республики Коми.

Конечно же, первопроевсетители славян святые братья Кирилл и Мефодий и креститель коми святой Пермский дали начало новой эпохе в становлении и развитии многих стран и национальностей.

Однако, следует упомянуть и о других фактах, которые произошли на «Удорской земле».

Итак, в течение 14-16 веков произошла христианизация удорского населения. В первом постоянном поселении Вендинга ещё в 14 веке построили первую православную часовню, затем через восемь лет – в селении Важгорт. Далее в 16 веке в верховье реки Мезень образовалась Глотовская Слобода и Косланская волость. Христорожественская церковь в Глотове-Слободке объединило восемь починков. По древней переписи это селение образовалось в 1554 году. В 20 км выше по течению реки Мезень лишь в 1585 году – деревня Макарова (д. Макарыб). Причём, после пожара жилищ, жители этой деревни, проживали до 1646 года в Верхнем Вылибе, где и приняли христианскую веру, а потом вновь начали обживать местечко Макарово. В числе первых переселенцев были Дорофеевы, Ларион Ионович Политов, Аникей Михайлович Обрезков и Карповы.

Приток Вашка, откуда начиналась «Удорская земля», объединяла коми жителей с соседним западно-финским населением, а формирование «верхнемезенской» группы с 14 века происходило со стороны Вымского бассейна, поэтому имелись некоторые этнокультурные различия.

Лишь в 19 веке образовалась единая этнографическая группа удорских коми. К примеру, в средней части Мезени, село Большая Пысса основана была лишь в 1600 году, а в 1692 году образована Пысская волость, в которую вошли деревня Латьюга – в 1629 году, деревня Патраково – в 1646 году, а позже – деревня Малая Пысса – в 1707 году, деревни Политово и Нёбдино – в 1747 году.

В 1606 году Удора вошла в состав Яренского уезда, но разделена была условно на две части: Средняя Мезень до устья реки Вашка вошла в состав Мезенско-Кеврольского уезда, остальная часть осталась, по-прежнему, в составе Яренского уезда.

Вообще, до 1570 года в состав «Удорской земли» входила территория, населённая «удорцами» на реке Кулой (Мезенский район Архангельской области) и бассейн реки Мезень до устья реки Вашка (Лешуконский район Архангельской области). Кстати, местное население в те времена разговаривало на коми языке. Причём, по списку местных священников приходов в отдельных деревнях жила народность чудь. И в этом не было ничего удивительного – население чудь проживали от верховья Мезени и до устья Вашики. Получалось, что и русские, и коми, и чудь на данной территории проживали в смешении практически до середины 19 века.

С 17 века церковно-приходское обучение грамоте постепенно приобретало свою значимость. Старообрядческие традиции, в известной степени, отходили на второй план, но коми письменность впервые нашла своё развитие, и образовались первые образовательные школы в волостных поселениях (Важгорт, Кослан, Глотова-Слободка). Неслучайно, у удорских коми отличается особый диалект языка с некоторыми заимствованиями из соседних народов (вепсов, ненцев, манси, русских) и специфика отдельных элементов материальной и духовной культуры, потому что остались древние корни общения с другими общинами. Причём, после восхождения «Удорского края» в состав Российской Империи самостоятельным Гербом, двадцать шестым по счёту, территория окончательно приобрела официальный статус в результате чего не только расширились торгово-экономические отношения, но и правовые нормы. Молодые люди, уже владеющие начальной грамотой, отбирались для продолжения учёбы в учебные заведения соседних губерний, а также для службы в стрелецкие полки, царскую гвардию. Надо отметить, что в силу определённых объективных причин с учётом суровых условий проживания и общинно-хозяйственной формы хозяйствования на коми территории система крепостного права отсутствовала. В конечном итоге, это позволило жителям укорениться на традиционных местах

проживания во все века и сохранить самобытность, культуру и историю в рамках единой народности.

Перечень родовых знаков («пасов») по Удорскому району

† МИТИН К.А. (Өндрей к.)	Е+ БУШЕНЕВ И.С. (ЕПИМ к.)
А/ МИТИН Н.П.	Д ДӨРӨШ котыр
† ОЛЬШАНОВ С.И.	У ЛОГИНОВ Я.Д. (Дөрөш к.)
Г Попов А.С.	ИИ ЕПРИМ котыр
Ш/ Букин К.И. (МАРКЪЯН к.)	W МАРК ЕГӨР котыр
Л Букин П.К. (КУЗЬМОЙ к.)	У, Ш, Х, У ПУЧКОМА
П Букин С.Е. (ЕМЕЛЬ к.)	Р ДОЛГИН С.П. (ПУД к.)
VI ЛОКАЧЁВ Ф.Н.	Н ЖИЛИН В.А.
II ПАНТЕЛЕЕВ П.К.	⊗ СЫЧЕВ Е.А.
Ц, Ж СЕЛИВАНОВ П.Н.	V МАТВЕЙ КОЛЯ ВАНЕЕВ.
z ЖИЛИН В.М.	☆ СЕЛИВАНОВ Г.С.
z ПОТАПОВ А.К.	Ж СЕЛИВАНОВ И.А.
Х• СЫЧЕВ А.Е.	= БУТЫРЕВ Г.К.
Х ТРОФИМОВ А.Е.	И. БУТЫРЕВА М.И.
± ВАНЕЕВ А.С.	Х БУТЫРЕВА О.А. (Априк к.)
У ВАНЕЕВ Н.К.	7/7 ДОЛГИН К.А. (Уласов к.)
⊗ ВАНЕЕВ С.А. (Өндреник к.)	† АВРАМОВ В.Н.
± ВАНЕЕВ С.У.	•! АВРАМОВ Т.Д.

Н, К МАРКОВА Е.М. и Е.С.

П, П ПАТРАКОВ Д.Ф. и А.А.

К ПАТРАКОВ И.Д.

З СЕЛИВАНОВ Г.А. (1903г.)

Л СЕЛИВАНОВ Е.В. (Левой к.)

Л СЕЛИВАНОВ П.Д.

Л СЕЛИВАНОВ И.К.

З СЕЛИВАНОВ П.И.

Ч СЕЛИВАНОВ Т.М. (1903г.)

Н ПАРФЕНТЬЕВ Г.В.

Д ПАРФЕНТЬЕВ М.М.

Л ЯКОВЛЕВ И.К.

Ф ЯКОВЛЕВ И.И.

П ЯКОВЛЕВ С.И.

Л, Л БАГАЕВ Г.М. и М.Д.

В ДАВЫДОВ И.М.

В БАГАЕВ В.Д. (Митей Вася)

Ξ БАГАЕВ Я.Т.

XXI, V ЕКИМОВ А.В. и М.В.

Х ЕКИМОВ В.М.

Е ЕКИМОВ А.Д.

/// ЕКИМОВ И.П.

Х КОРОВИН В.Ф.

/// КОРОВИН М.А.

'I, ПИГУЛИН Е.И.

Л, Л, Д ЛОГИНОВ к.

/ ФЕДУЛОВ М.И.

II АВРАМОВ И.Л. (1884г.)

А АЛЕКСЕЕВ С.С. (Штепан к.)

Ф АФАНАСЬЕВ В.И.

'I' ВАНЕЕВ А.И.

Х ЛОБАНОВ Г.П.

Н ВАСИЛЬЕВ Е.Т.

XII ЛОБАНОВ С.М.

II МАРКОВ М.Ф.

IXII МАРКОВ Ю.В.

Х АФАНАСЬЕВ И.К.	Р АРТЕМЬЕВ И.П. (ПӨТАП к.)
7 КÖСЬТА ВАНЬ котыр	И ИЛЬИН Е.Н.
Ш ЛОБАНОВ М.П. (ПЕТЫР к.)	К КОРОВИН В.И.
Ф ЛОБАНОВ Н.Ф.	ХИ ИВКИН Н.Г. (ГРИШ к.)
Ў КУРЫДКАШИН И.А.	У КОРОВИН А.М. (КЕРЕЙ к.)
Н МИТИН Д.М.	Ч КОРОВИНА Е.М.
А МИТИН В.Г. (Öней Гриш к.)	Н•О КОРОВИН Н.Ф.
Т МИТИН А.Я.	VIII МАТЕВ С.А.
† МИТИН Т.А.	I ФЁДОРОВ В.П. (1856-1934г.)
С, К, ✂ МЕЛЕНТЬЕВО	III ПАВЛОВ М.Я.
Н АФАНАСЬЕВ А.Е.	А БУКИН И.С.
I... ПРОКОПЬЕВ И.А.	Ф БУКИН котыр
Ж ПРОКОПЬЕВ Д.А. (Дөрөп к.)	У БУКИН Н.В. (МИКÖЛА к.)
I: ПРОКОПЬЕВ И.А.	З ПАВЛОВ А.К. (ЕРАСИМ к.)
У ПРОКОПЬЕВ И.Д.	† ПАВЛОВА Е.С.
Ч ПРОКОПЬЕВ Л.Р.	↑ ПЕДÖСЬ котыр
≠ ПРОКОПЬЕВ К.А.	III ГЕРАСИМ котыр
Ж ПРОКОПЬЕВ Н.Д.	А ОБРЕЗКОВ И.Д. (1891-1973г.)

III	ПОЛИТОВ А.В.	IX	КРИВУШЕВ А.П. (ТИКОН к.)
II	КАРПОВ С.С.	Δ	КРИВУШЕВ Д.В.
M	ОБРЕЗКОВ М.П.	A	КРИВУШЕВ Е.А.
X.	ПОЛИТОВ А.В.	II	КРИВУШЕВ Е.М.
V	ПОЛИТОВ Е.Г.	И	КРИВУШЕВ И.В.
X̄	ПОЛИТОВ М.В.	M	КРИВУШЕВ М.А.
X̄.	ПОЛИТОВ Н.Г.	∨	КРИВУШЕВ П.В.
∨	ПОЛИТОВ С.П.	Ч	МОСЬ ОПОНЫ САШ
⊠	ПАВЛОВ МИТРОЙ к.	И.	ПАВЛОВ Н.Е.
///	МАКСИМОВ Д.П.	M	ЗАХАРОВ М.И. (ИВАН к.)
MIII	МАКСИМОВ С.В.	V	КОЧЕВ А.А. и КОЧЕВ П.А.
H	МАТВЕЕВ Н.Е. и КРИВУШЕВ В.	У	РОНОЕВ М.Д. (МИТИТ к.)
X	ПАВЛЕКОВ А.П.	∨	РОНОЕВ Н.Т. (ТИКОН к.)
V'	ПАВЛЕКОВ С.В.	У	РОНОЕВ Т.А.
Λ	ПАВЛОВ П.И.	F	УЛЬЯНОВ А.Д.
XI	ПАНТЕЛЕЕВ В.Е.	V	БУТЫРЕВЫ (савать педор)
III	ПАНТЕЛЕЕВ Е.А.	IT	ТЕРЮКОВЫ (МИКАЧ к.)
III'	ПАНТЕЛЕЕВ Е.А.	У	КРИВУШЕВ А.А.

III ПАНТЕЛЕЕВ И.Д.
Л ПАНТЕЛЕЕВ И.И.
Л ПАНТЕЛЕЕВ Н.А.
У ПЕШАКОВ Ф.
Т ПЕШАКОВ И.С.
Д ТЕРЮКОВ Д.А.
Х ПОЛИТОВА М.В.
II БОРГАЧЕВ А. (КАНАЧЕВ к.)
Е АРТЕМЬЕВ И.Е. (ТИМЕЙ к.)
CII СОЗОНОВА О.Н. (ЯРЕЙ к.)
* ОСТАПОВ П. (МАРУШОВ к.)
' ' БУГУЕВ Г.П.
IV БУДРИН А.А.
С ВУРДОВ Г.Ф.
VII ГОРДЕЕВ С.А.
V ДОРОНИН Т.А.
XII КОНОВАЛОВ С.Ф.
VIII КОСКОКОВ В.Н.

IXI ОБРЕЗКОВ А.И.
У УЛЬЯНОВ Д.М. (1908-1978)
VII ЕМУШЕВ А.Ф.
Л ЕРШОВ В.П.
М ЕРШОВ М.М.
Н ЕРШОВ С.К.
А ЗИНОВЬЕВ А.П.
Х ЗИНОВЬЕВ Д.И.
IK КАЧИН Е.Я.
VI АРТЕМЬЕВ А.И.
V АРТЕМЬЕВ. П.А.
ЄН, III ГАЛЕВ М.В.
Т ИВКУЧЕВ В.А.
III/ КОРОВИН А.С.
II/ КОРОВИНА А.С.
Ч КОРОВИНА Е.М.
Х КОРОВИН М.Г. (ЕЛЕСЬ к.)
V МАХОТИН В.А. (КАЛИНА к.)

1. БУШЕНЕВ А.Р. (Рёдей Олыш к.)
 2. ПАВЛОВ А.В. (АПИНО к.)
 3. ПАВЛОВ Н.Е.
 4. КУРЫДКАШИН Л.С., 1880 г.р.
 5. ВАНЕЕВ Е.Я. (ЯК ПЕДÖРЯК к.)
 6. ЖЕЛЕВ С.С. (МОСЬ САНДЫР к.)
 7. ЗАКАР ПЕТЫР котыр
 8. ÖЛЕЙ ПЕДЭСЬ котыр
 9. КУРЫДКАШИН С.И.
 10. ЦЫНГИН Е.С. (дань вань к.)
 11. ДОНЦОВ Д.Н. (ВАНЬ к.)
 12. ПАНТЕЛЕЕВ П.К.
 13. КОЗЛОВА М.Е.
 14. СТАРЦЕВ И.Н.
 15. ЧЕРНОУСОВ П.Е.
 16. ПЕТРОВ В.Н. (МИКИШ к.)
 17. ПОЛИТОВ А.М., 1923 г.р.
 18. ПОЛИТОВ А.И., 1916 г.р.
 19. МИТИН П.Е. (ЯК МАНУЙ к.)
 20. НЮЧЕВ А.С. (СЕМ АРСЕЙ к.)
 21. ПУВКОЕВ Д.И.
 22. ПУВКОЕВ М.П.
 23. ПУВКОЕВ А.В., 1888 г.р.
 24. ПУВКОЕВ И.Т. (Терей Вань к.)
 25. ПУВКОЕВ М.Е. (МАЛАП к.)
 26. ПУВКОЕВ Т.И. (ТИМЕЙ к.)
 27. ПУВКОЕВ С.А. (Артип Савей к.)
 28. БУШЕНЕВ Т.В., 1867 г.р. (Терей к.)
 29. АНДРЕЕВ А.М. (Микаль к.)
 30. АНДРЕЕВ А.И. (СИДÖР к.)
 31. АНДРЕЕВ И.Ф. (ВАВÖЙ к.)
 32. АНДРЕЕВ И.Г.
 33. БУШЕНЕВ В.А. (ВАСЁ к.)
 34. БУШЕНЕВ Я.П. (КÖСЬТÖЙ к.)
 35. ЛОГИНОВ А.С. (ЗАКАР к.)
 36. ЛОГИНОВ И.В. (ВАРЛАМ к.)

Є ВУРДОВ А.Л. (АВРӖС к.)

Ҁ ВУРДОВ Г.П. (ЛУКА к.)

Ӗ ВУРДОВ Л.А.

҃ ВУРДОВ Л.Л.

Ӧ ВУРДОВ М.Ф. (ПЕПЫЛ к.)

ВХ ВУРДОВ Ф.Г.

А ПАВЛОВ А.С.

Н ПАВЛОВ Е.С.

И ПАВЛОВ И.Я. (ЯК к.)

Часть II. О чуде

Тайны чуда

Как велик и многообразен мирской соблазн, и какие мы, Человеки, разные и непознанные? И почему на столько мы слабы духом, что либо не можем, либо противимся искупить свои неправедные грехи? А может, боимся покаяния? Свят, свят!

Да! Всяк свободен. Но не каждый хочет свободы, ибо легче плыть по течению воды, чем наоборот, постоянно преодолевать тяготы, порою неимоверными усилиями против течения.

Блаженный тот, кто постигает святыи истины любя!

Скорее всего, каждый страждущий, идя своей дорогой, мечтает, наконец, обрести себя.

Почему-то только с годами каждый из нас начинает осмысливать свои жизненные вехи уже с высоты птичьего полёта, а не тогда, когда волею обстоятельств либо в силу иных причин, судьба дарит неповторимые и сокровенные мироощущения, и возможности во истину испытать неземную благодать.

В последнее время подобные размышления часто посещают меня и тому есть своё объяснение. Ведь как – никак, когда-то я невольно оказался, совершенно загадочным образом, очевидцем невероятных событий и явлений, хотя всё могло быть иначе, если бы...

Но историю, как и музыку, нельзя обмануть!

Ах, молодость, молодость! Бесшабашная и безудержная, ранимая и вспыльчивая, наивная и грешная, радужная и счастливая.

Лет сорок назад, я, будучи молодым специалистом, впервые участвовал в составе геологической экспедиции на Удоре. Маршруты по изучению строения почвенных слоёв, горных пород и залежей различных минералов охватывали прилегающие территории бассейнов реки Мезень и притока Вашка. В дальнейшем, в течение трёх лет сезонных полевых работ, мне удалось исходить этот западный уголок Республики Коми вдоль и поперёк.

Удорская земля меня не только поразила разнообразием природных богатств, где почти вся таблица Менделеева, но и своей национальной культурой, традициями, бытом, фольклором и, что не менее важным явилось, сохранение до наших дней уникальной мифологии, легенд, старообрядчества в отдельных селениях. Надо отметить тот исторический факт, что становление самобытной этнографической группы удорцев охватывало довольно длительный период, а именно в X-XVIII веках. Местная топонимика показывает, что предки удорских коми проживали на значительной территории бассейнов рек Мезень, Пинега, Кулой, Северная Двина. До 1570-х годов в состав «Удорских земель» входила территория по реке Кулой (сейчас это Мезенский

район Архангельской области) и до XVIII века, включая низовье реки Вашка, местное население говорило на коми языке.

Не раз в грамотах и писаниях священнослужителей в период христианизации населения, в XV-XVI веках, упоминались селения чуди. В те времена этот загадочный народ, скорее как первообитатели на земле Удорской, проживал отдельно от коми и русских деревень по берегам вышеупомянутых рек, хотя впоследствии, к концу XIX века, чудь совсем «растворилась» на Европейском Севере. В разных источниках по-разному трактуют подобное «исчезновение» этой народности, но без всяких сомнений ясно одно – дух чуди остался и по сей день!

Почти каждый год я приезжаю уже на родную Удору, чтобы вновь и вновь пройти по старым маршрутам, прикоснуться к священным местам, знакомым до боли, ощутить таинственное прошлое и задуматься о будущем. А ведь сколько неразгаданных тайн таит в себе древняя земля! И каждый раз передо мной возникают новые образы, и какие-то колдовские, невидимые чары будоражат мои воображения и мысли. Желание поделиться своими познаниями, а также народными сказаниями и явилось первопричиной моей исповеди о тайнах чуди.

Верхнемезенские тайны

Там, где берёт начало река Мезень, сливаются два ручья, а ниже по течению выпадает таёжная речка Четлас. Это подножие гор Тиманского кряжа либо по-другому место именуется Четласским Камнем. Перед взором каждого очевидца открывается незабываемый гористо-лесной пейзаж по обе стороны извилистой голубой «ленты» верховья Мезени. Каждый поворот окаймлён либо скальной породой, либо галечным наслоением, либо валунной грядой с пенными бурунами. А в образовавшихся небольших заводях и в ямках величественно стоят отдельными косяками знаменитая мезенская царица-сёмга и не менее знатный обитатель чистейших вод — хариус. В солнечную погоду их серебристо-стальной окрас преломляется в толще голубой воды тысячами блёстков, и кажется, что первозданная среда обитания создана только для них. Но, если внимательно всмотреться в дно, можно увидеть с десятков разных живых организмов и, в том числе, редких рачков, губок, моллюсков, водных насекомых. А какая удивительная береговая и прибрежная растительность!

Казалось бы, как такие растения находят питательную среду сквозь толщу песчано-галечного слоя, чтобы надолго укрепиться корневой системой. Среди лопухов, кувшинок, заячьей лапки, хвоща непременно чуть выше от воды встречаются отдельными колониями и золотой корень, и папоротники (мужской и пирамидальный), и мята полевая, и зверобой, и пион тридомный, а всего более семидесяти видов растений напочвенного покрова, причём,

большинство являются целебными травами. И это неслучайно. Ведь десятки родников, ручьёв, а также речек питают серебристой водой главную артерию Удоры.

И можно представить моё состояние, когда сквозь заросли обильных солончаков на берегу речки Четлас с трудом определил нежные бутоны соцветий божелистника. Удлиненные, лопастные, бело-жёлтые лепестки только-только вытянули к свету головки, пытаюсь быстрее распуститься. Но как бы то ни было, плотные, фиолетовые с зелёными крапинками чашечки терпеливо удерживали от преждевременного буйного распускания. По правде говоря, это воистину божественное растение цветёт всего одни сутки и именно в период июльского равноденствия. Не зря в старину говорили, что кто воочию узреет распускание бутона, тот получает божью благодать. Редчайшее растение имеет и другую особенность, его лепестками можно избежать порчу извне. Так или не так, но в известной степени существует тайное поверье местных долгожителей, что, благодаря изготовленному снадобью из этих лепестков, можно реально продлить свою жизнь. Я бережно притронулся к бутонам, но не посмел их сорвать. А как иначе? Внимательно рассматривая, заметил, как гибкий стебель от прикосновения покачнулся, а значит, любое живое имеет право на выживание.

Четлас, Четлас! Хоть и своеобразная речка со скальным оскалом, узкими порогами и бурлящими впадинами, а местами есть такие омутки, где пенящийся водоворот успокаивается до остывания и мягко разливается среди дрожащих лопухов. Искристая гладь воды лаковыми бликами замирает в ямах излучин. А редкие наклонённые над водой ивовые кусты как раз затеяют их покои. И вот там вырисовываются крупные мохнатые листья лучезарника. Распушившиеся цветы линяют розовым пухом в период цветения и их невозможно не заметить, хотя белые лепестки также быстро увядают, как их аналоги из семейства орхидей. Вообще, вся прелесть этих прелестных обитателей состоит именно в том, что способность очаровать привораживает не только внешней красотой, а ещё и специфичным запахом, отчего даже мелкие насекомые навсегда прилипают к пахучим клейким лепесткам. Увы!

В одном месте, как раз на крутой излучине, я заметил скальный выступ в виде козырька, а перед ним небольшой полукруглый вход. Пробравшись сквозь заросли можжевельника, оказался прямо напротив тёмной дыры. Ровная, небольшая каменная площадка позволяла свободно, пригнувшись, на корточках проникнуть вовнутрь, а буквально в двух метрах раскинулся чашеобразный тёмно-синий омут в диаметре не менее десяти метров. Странно, но я сразу предположил, что вход в скальную толщу – это бывшее жилище человека, а не логово зверя и не природное ваяние. Тем более что края были обрамлены различными насечками, а до воды спускались две ступеньки, явно рубленные каким-то инструментом. Немного задумавшись, передохнул на ступеньке и

всё-таки, наконец, решился заглянуть внутрь. Снял рюкзак. Достал маленький фонарик, включил свет и проник в эту загадочную пещеру. Картина, которая открылась перед глазами, поразила меня: белёдые, местами зеленоватые, но сухие неровные стенки витиеватыми тенями играли на свету, но за первым же поворотом очутился в большом каменном «мешке». Но откуда здесь дневной свет? Приглянувшись, оказалось, что освещённый с левой стороны угол имел нишу, где стояла запылённая деревянная пирамидка. В центре зала выделялся обложенный камнями круг, то есть место костровища, что ещё раз подтверждало факт древнего жилища людей, ибо деревянная труха с остатками затверделых обломков напоминала о былой жизни. Прохладный, чуть застойный воздух, чем-то напоминал пресноватый вкус ягеля. Я тщательно пытался обнаружить ярким лучом фонарика хоть какие-то сохранившиеся предметы, либо символы и рисунки, но тщетно. Лишь несколько глиняных осколков, наверное, посуды, стали единственным утешением осмотра пещеры, да седая пыль старины на сапогах успокоили моё внутреннее волнение и воображаемые ожидания. Но при выходе наружу, в узком коридоре, неожиданно до боли царапнул правое колено. Рваная ранка, а скорее только ссадина начала кровоточить, на что, честно говоря, даже не обратил внимания. И тут ощупом руки почувствовал какой-то острый зубец. Вытащив нож из ножен и ковырнув несколько раз это место, вытащил металлический наконечник, то ли от стрелы, то ли от дротика.

Что-что, но эта находка уже была радостью, которую, внимательно рассмотрев, сунул в карман куртки. А когда вылез из пещеры наружу и, оглянувшись, вдруг заметил, что следы мои светятся. Объяснений тому не было, и я спокойно уселся опять же на ступеньке у воды.

Ясный почти безоблачный день нежно задувал лёгким ветерком. Однако я вовсе не помнил, сколько времени сидел, а когда очнулся, солнце опустилось за верхушки высоких лиственниц и сосен. С испугу уцепился пальцами за каменные края и тяжело задышал. Через минуту выпрямился и огляделся. Но что это? Со спины на светлую гладь воды падали тени, похожие на людей!

Моментально, страх охвативший меня, поменял состояние до оцепенения – повернув голову, я увидел в двух шагах трёх стоящих бородатых людей в чёрном облачении и конусовидных головных уборах. Они смотрели вперёд и издавали не понятные мне звуки «чу-и, чу-и. чу-и!», а затем каждый поочередно выбросил на воду горсть мерцающих крошек, от которых тут же омут преобразился в жёлтый цвет.

В следующее мгновение всплески оглушили меня, и больше я не помнил ничего. Хотя нет, мне казалось, что парил как птица над голубой лентой речки, а потом...

Всё пережитое я осмыслил только тогда, когда очутился по пояс в холодной воде и вдали от этого места. Светлые ночные сумерки напоминали о ночлеге под пологом вековых елей, но самое обидное было то, что я лишился рюкзака с вещами и продуктами, а ещё спичек, которые промокли. Скрючившись калачом и дрожа от холода, я с трудом уснул в обнимку с извилистым корневищем.

Дивное июньское утро с тёплыми воздушными волнами, туманной плавающей пеленой над водой, смолисто-хвойными духами разбудили меня чуть раньше восхода солнца. Ещё влажная на мне одежда продолжала парить, хотя от этого не было легче и так хотелось тепла. Чтобы согреться, я побежал, на сколько это было возможно. Только через три-четыре часа я вышел на какую-то лесную избушку – полуземлянку. Жилище имело совершенно жалкий вид: прогнившая крыша с одной стороны уже рухнула, со стороны входа фасадная часть осела на бок. Входная дверца, хоть и с трудом поддавалась, позволила мне протиснуться в проём. Внутри пахло прелостью, но главное, курная полуземлянка могла обогреть теплом, тем более что на полочке я обнаружил в туюске огниво. Уже через полчаса огонь плескался в каменухе, а я только подбрасывал сухие ветки. Причём, на стене, случайно нашёл рыболовный крючок. Осторожно подточив камушком огнива жало крючка и распустив из полы куртки нити, всё-таки сумел сделать снасть, пусть примитивную, но очень необходимую. Я настолько был голоден, что был готов сожрать любую мелкую тварь, но только не мышей. Срезав удилище из поросли черёмухи и нацепив на крючок личинку короеда, я даже не делал повторных бросков, ибо хариус такой же голодный, как и я, жадно хватал приманку. И только после того как утолил жажду голода из пяти печеных рыбин, успокоился лёжа на полати. Тем более что к тому времени одежда высохла и я довольный, дальше отправился в путь.

По моим прикидкам до базовой избушки осталось где-то пятнадцать километров, и я так воспрял духом, что, улыбаясь, спускался вдоль Четласа, напевая свою любимую песню:

«Когда весна придёт, не знаю,
Пройдут дожди, придут снега.
А ты мне улица родная,
И в непогоду дорога...»

И вдруг передо мною возникла довольно высокая каменная гряда. Настрою обойти подобное препятствие не было, поэтому решил преодолеть напрямик через валуны.

Запыхавшись, всё-таки достиг вершины, и лишь тогда сумел охватить взором панораму бескрайних просторов вокруг себя. Таёжное «море» в синей дымке огромными валунами уходило далеко за горизонт, а скальные зубчатые пики светились в лучах солнца. Заворожённый увиденным я, затаив дыхание, как будто растворился в пространстве и в какие-то мгновения забылся, где нахожусь. И, видимо, невольно шагнул вперёд, но каким-то чудом удержался на ногах, чтобы окончательно не скатиться вниз по камням. «Да вот же она, северная жемчужина! Во всей красе! – подумал, но побоялся крикнуть, - Господи! Как мало нужно человеку для счастья!»

И действительно, окунувшись в эту звонкую синь, ощутил безумное удовольствие, а не видимые лучи со всех сторон пронизывали меня, придавая мне силу и бодрость. Не чувствуя усталости, за полдня я добрёл до своей базовой избушки и, когда уже вышел к устью Четласа, заметил как из жилища через дымоход и приоткрытую дверь валит сизый дым.

«Хм! Да у меня гость? – удивился я про себя. – Если рыбак, то должна быть лодка, а её не видно. Охотник? Но сейчас не сезон охоты!»

По каменистому берегу я поднялся наверх и, подойдя к двери, громко окликнул: «Здравствуйте! Есть кто внутри?» Выждав некоторую паузу, распахнул дверь настежь и, пригнувшись, вошёл внутрь. В каменке догорали дровишки, а внутри нехитрое убранство было прежним, вернее так, как я оставил доселе. Лампа на подоконнике, мешок с провиантом подвешенный на верёвочке, плащ и полевая сумка на гвоздике, миска. Котелок и кружка – в общем, все предметы были на месте. Вокруг избушки я также не обнаружил ни следов, ни каких-либо иных признаков посещения. Честно говоря, на тот момент я был уверен, что загадочный гость, в конце концов, объявится пусть даже вечером. А пока разжёл костёр, сварил густой суп, напоминающий кашу, приготовил чай с чагой и брусничным листом, плотно покушал и завалился кемарнуть на полати. Однако, от усталости так расслабился, что проспал до двух часов ночи. Вот тогда-то, когда проснулся, я и впал в раздумья, ибо за последние полутора суток со мной произошли слишком странные приключения. А может, случайно вторгся в святые места древних чуди? Испытывая неугасающее волнение, прогулялся по мезенскому берегу. Любовался игривой водой, редким

бултыханием величественной сёмги, плеском хариуса, ночными всполохами за горизонтом, а между тем белая июньская ночь медленно засияла на востоке робкими лучами восходящего солнца. Конечно, спать уже не хотелось, и я снова у горящего костра упивался горячим чаем. Кругом щебетало, клокотало, пищало, шуршало, звенело и в этой живой, завораживающей атмосфере мне было легко и радостно. И неожиданно со спины над головой стрелой пронёсся сокол. Сначала я не придал значения, но когда через пару минут птица опять чуть не протаранила меня, появилось любопытство с чувством предосторожности. И оказалось, не зря! Очередная атака сокола была уже не безобидной, так как острые когти оставили ссадины на голове. После шестого, по счёту нападения птица молниеносно взмыла вверх, а потом замертво шмякнулась к моим ногам. Но что самое непонятное – она в один миг обуглилась, испуская неприятный жжёный запах. Я опешил, вскочил с места, инстинктивно пнул тушку носком сапога в сторону догорающего костра. «Да, что же это происходит?» - сверлила мысль в голове, не давая покоя. Затем быстро, быстро подбросил хвороста в огонь и сжёг нечистую мерзость.

А ещё через сутки, закончив описание пробных выемок, я покинул этот дикий, но сказочный и опасный уголок с неоднозначными ощущениями. Мой маршрут пролегал вниз по реке Мезень и, судя по карте, предстояло преодолеть 25 км до следующего участка исследования. Надо сказать, что, потеряв рюкзак и часть необходимых вещей на Четласе, сейчас всё снаряжение и продукты я тащил в мешке, к которому приделал лямки из поясного ремня. Уверенно шагая привычным ходом, где-то напрямую пересекая излучины быстрой реки, а где-то по каменистому берегу, пока не упирался на отвесные скальные стены. В одних местах сосновые боры подступали прямо к воде, а в других – густые ельники с можжевельновыми кустами представляли непроходимые заросли. Что интересно, высоко в небе над головой постоянно кругами парил огромный орлан белохвостый, как будто сопровождал меня, оберегая от возможных опасностей. На каком-то промежутке пути изрядно уже уставший, умываясь от пота, решил выбрать подходящее место для отдыха и когда вышел на пологий берег, услышал какой-то глухой шум. Прислушался и догадался, что где-то впереди, недалеко грохочет вода: «Ага! Либо завал, либо водопад! Ну, посмотрим, что там». Минут через пятнадцать с бугорка увидел створ реки, облачённый клубами воздушно-капельной массы. Ещё ближе подойдя к обрывистому берегу, открылась поразительная картина.

Скальные пластовые наслоения по обе стороны реки, как сторожевые башни каменной крепости, возвышались зубчатыми пиками, а посередине русла выделялся огромный валун, чем-то напоминающий медвежью морду, от которого полукругом вырисовывался выступ высотой до двух метров. Зауженный участок массивному потоку воды придавал ещё большее ускорение, отчего широкий слив преобразался в настоящий водопад. Падающая сверху вода шумела, грохотала, бушевала, создавая сплошную полосу пузырящихся пенистых бурунов. В лучах солнца над водопадом висела радуга, а над рябью голубой воды стелилась лёгкая пелена тумана. Признаться, такого зрелища на Севере я не видел никогда. К тому же, некий шарм этой изящности придавали строчкой вытянувшиеся прибрежные молодые, светло-зелённые лопухи на длинных стеблях и по соседству цветущие белолепестковые водоросли – «водянки».

Сначала я спустился к воде, снял одежду и умылся по пояс. Затем зачерпнул котелок студеной воды и не спеша обратно поднялся на крутой берег.

Лёжа, распластавшись на белом ягеле, закрыв глаза, я не мог насытиться свежестью воды, воздуха, земли, ибо почувствовать себя в единой гармонии с девственной средой и есть высшее блаженство. Закусив на дорогу и сделав краткую запись в блокноте об этом дивном месте, вынужден был идти дальше.

Думаю, читателю необходимо пояснить то обстоятельство, почему я один? Дело в том, что мой напарник, техник Виктор Прохоров в силу исключительных причин остался на нашей геологической базе в местечке «Пёлянин стан» и по расчётному графику мы должны с ним встретиться в местечке «Мича Ичмонь», а это ещё почти полсотни вёрст от моего местонахождения. Поэтому и приходилось не только камеральные работы проводить одному, но и химический анализ почвенных слоёв, описание пробных выемок и минералов. Честно говоря, я уже не укладывался в сроки и когда добрался до исходной точки после небольшого отдыха, соорудил шалаш, а сверху натянул плащ от дождя. И кажись, вовремя! Через полчаса тяжёлые свинцовые тучи под порывом ветра окончательно заволокли небесный свод. Тотчас поднялся гул, заглушая скрип вековых деревьев. Тайга застонала и задышала тяжёлыми хрипами. Изредка с треском на землю то тут, то там падали обломки сухих сучьев, а веер хвойных иголок, лишайниковых хлопьев вихрем кружились в воздухе. Но вскоре к удивлению непогода утихла, и я выглянул из шалаша наружу. Однако, никаких просветов на небе не заметил, зато на противоположной стороне реки появилось жёлто-зелёное свечение, которое расширилось на глазах и вширь, и в

длину, а цветность постепенно приобрела фиолетово-голубой оттенок. Как мне показалось, размеры атмосферного цветного «экрана» по высоте, от воды кверху, и по ширине на фоне деревьев достигали примерно соответственно шестьдесят и сто метров. Поразительно, но слой свечения колыхался в трёхмерном изображении, по крайней мере, так воспринималось сознанием. Даже хотелось поверить, что это некая живая субстанция. Напряжённо всматриваясь выпученными глазами, я вдруг увидел полное сходство с речным пейзажем. «Господи! Речное отображение, как в зеркале! – чуть не воскликнул от сделанного открытия и присел на корточки. – Как же я сразу не догадался? Но каким образом, откуда? А может мираж?»

И я смотрел, смотрел, смотрел.... Закрывал глаза и снова открывал... созерцал, любовался и фантазировал. А отражение речной синевы словно заколдовало меня, ибо не понимал в каком состоянии нахожусь: то ли в трансе, то ли в глюках.... Тихое блаженство уводило куда-то от реальности. И вдруг вновь я воочию увидел, как на глади воды появились знакомые тени людей в чёрном облачении и конусовидных шапках. Не помню, сколько их было, но точно помню, как мне стало легко, что снова полетел. Честно признаюсь, хотел этого потому, что недавние события были, по меньшей мере, крайне экстремальными. Хотя осознавал своё положение, а что-либо изменить был не в силах. Какая-то другая неведомая сила заставляла меня подчиняться по иному сценарию.

Раскинув руки, полёт над рекой оказался благополучным, так как небо неожиданно озарилось светом, и тёплый поток воздуха опустил меня прямо на галечный выступ. Оглядевшись, тут же заметил, что на месте речного отражения образовалось огромное облако тумана, которое медленно исчезало на вершинах близ лежащих лесистых бугров. Пожалуй, впервые тогда я понял, что древний дух чуди жив!

Впоследствии много раз вспоминал первые ощущения загадочных контактов с древней былью о чуди, но никогда не жалел об этом. Может быть, поэтому в памяти моей сохранились только яркие подробности. И, кстати, не позволял вольности придумывать в своих былых записях излишние фантазии. Хотите верьте, хотите нет.

Как-то раз, во время выемки грунтовых проб, я спускался с местечка «Кутш позья» вниз по левому берегу Мезени. Надо отметить, что это то место, где заканчиваются скальные возвышения и постепенно рельеф сменяется «чистыми» сосновыми буграми. До избышки оставалось ещё около шести километров, как на одном желтовато-охристом плёсе заметил семь крупных силуэтов птиц. Когда подкрался ближе, чётко различил древних лесных

красавцев - глухарей. Конечно же, я видел их и раньше, но таких нет. Красная вечерняя заря озаряла их гордую осанку оранжевым свечением, а фиолетово-лаковое оперение придавало благородную величавость. Не знаю, сколько минут я наблюдал за поведением птиц, но они то ускоряясь, то замедляя ход, бормоча и цокая, вытанцовывали круги, как будто исполняли некий ритуал. Однако время неумолимо торопило меня двигаться дальше, и я вынужден был нарушить тишину. Закинув тяжеленный рюкзак за спину и взяв в руки бур, удалился за склон бугра. Потом были и другие забавные встречи с медведицей со всем её семейством, выдрой, рысью..., но только поразительный глухариный танец остался в моей памяти как на ладони. Спустя два года со мной произошёл совершенно невероятный случай, который тут же напомнил о былом ритуале благородных, гордых лесных птиц.

Итак, летняя ночь застала меня в местечке «Мича Ичмонь» (ниже от местечка «Кутш-позья» 36 км). Несмотря на чувствительную усталость, белая ночь с полнолунием не давали шансов уснуть крепким сном. Упёршись спиной к сосне, полулёжа в дремоте, я молча поглядывал на тлеющие красные угольки костерка и безмятежно думал о завтрашних планах. Голубой свет освещал спереди высокий, крутой берег и видимый край излучины реки. Вдруг услышал какие-то протяжные убаюкивающие звуки, похожие на человеческие голоса в хоровом исполнении песнопений. От неожиданности я сначала оцепенел и напряжённо некоторое время прислушался. Преодолев испуг, крадучись, медленно подошёл к краю обрыва и, присев на корточки, посмотрел вниз, откуда доносились странные звуки. А там!

У самой воды около двух десятков людей ходили по кругу, вытянув руки перед собой с полусогнутыми локтями. Мужчины в чёрном одеянии, а женщины в белых балахонах явно совершали какой-то обряд. Трудно было поверить глазам, но я отчётливо разглядел их смуглые лица, светлые глаза, чёрные волосы, чёрные бороды с проседью у мужчин и яркие ожерелья на шее женщин. Как только улюлюкающее пение закончилось, люди вошли в воду и исчезли. И лишь небольшие круги волн, светящиеся зеленоватым цветом, плавно разошлись до середины реки и пропали из виду.

Изумлённый и потрясённый увиденным и услышанным, встал во весь рост и огляделся. Вокруг было тихо и светло. А в голове будто просветлело, и как тут было не вспомнить слова старого охотника из Пыссы, деда Афанасия: «Вода символизирует жизнь! Вот поэтому древние люди-чуди верили своему Богу - Богу Воды и не приняли христианство, как веру невольную..., но душу, освящённую чистой водой, сохранили».

Честно говоря, размышляя о смысле человеческого бытия, сам невольно задаюсь вопросом: «Если каждый человек волен сам выбирать веру, то в чём истина...? Да-а, человек силен и непобедим только верой».

Хотя в давние времена племена чуди жили отдельными селениями от удорских коми-зырян, они сосуществовали мирно, ибо верование было близким по духу человеческому. Удорские коми поклонялись Богу Солнца, и это не противоречило совместному природопользованию, так как в основе своей этнотерриториальные жители края Природу-кормилицу считали единым Богом, единым Спасителем.

Ещё в 1293 году князь Ял привёл своё племя чуди на это благодатное место (ныне местечко «Мича Ичмонь») ибо выбрал самую высокую лесистую гору на берегу верховья Большой реки (река Мезень). Долгий и тяжёлый путь по звериным тропам на выючных низкорослых, но выносливых лошадях завершился всё-таки не без людских потерь. Однако новое место обитания, богатое рыбой, дичью и зверем, вселяло уверенность в завтрашнем дне. Мужественные люди, одержимые силой веры и стремлением выживать в суровых условиях, сумели не только обустроиться по старинке, но и вводить разные новшества. Даже по результатам наших почвенных проб было установлено, что на глубине 0,5 метров обнаружена деревянная конструкция крепостной стены. Проще говоря, двойная столбовая защитная ограда вокруг жилищных и хозяйственных построек, находящихся внутри. Причём, по окружности - ров с водой, сливные каналы с задвижками, подземные выходы за пределами крепости и замаскированные ямы-ловушки с заострёнными кольями по периметру. Подобного рода фортификационные сооружения позволяли не просто защититься от внезапных нападений хищных зверей, но и от разбойников, и лесных пожаров. Кроме того, уже в то время чуди использовали самодельные лампы-светильники, а в качестве горючего сжигали топлёный животный жир. В части, касающейся земледелия, возделывали лён, рожь и ячмень. Но самое главное, умели сами добывать железную руду, золото, алмазы, кварц, горючие сланцы и выплавлять металл. Об этом свидетельствуют обнаруженные земляные копи, орудия труда, подземные лабиринты и спектральный анализ образцов пород, останков украшений и других предметов быта.

Вообще, на мой взгляд, есть все основания полагать, что чуди, как народность - есть восточные переселенцы, ибо, судя по их знакам, оставленным на глиняных и берестяных письменах, они схожи с индо-языком. Хотя, это всего лишь версия. И, что не менее странно, ведь чуди как-то общались с коми и русскими поселенцами и это также есть факт. Ну что ж, оставим этот вопрос науке, а сами снова окунёмся в загадочный мир прошлого.

Итак, однажды князь Ял собрал у священного столба своих глав семейств и объявил следующее: «Большая река оберегала нас много лунных колен, но всё чаще другие Боги (люди другой веры) посещают наши владения и этим нарушают покой воды. У нас умирают от болезней наши братья, сестры, дети. Чужой дух тревожит наши души. По святыням нашим,

я обрекаю себя остаться здесь до конца жизни. Бог воды ниспослал нам оберег спасти род наш, ибо по воде ниже братья наши. Идите и оберегайте святыни во имя истины живой воды! Благословляю вас и ныне, и присно!

Возрадуйтесь ради святилища да душах онных, земных и водных!»

Напутствие князя Яла сородичи восприняли неоднозначно: кто-то высказал мнение дать отпор пришлым, кто-то предложил вместе покинуть обжитой край, а кто-то пожелал остаться здесь со своим благодетелем. Но решение князя было окончательным и беспрекословным.

Так князь Ял обрёл себя и княгиню Юл со своим семейством на самые тяжкие испытания. Через неделю сородичи покинули крепость и на плотах и лодках стали спускаться вниз по реке. Осиротевшая семья ещё год обитала в крепости после кончины Яла - главы семейства. В ночь полнолуния его дети - два сына и дочь - держась за руки, уйдут в иной мир путём утопления в реке. Мать, убитая горем, будет блуждать в лесах, где до сих пор можно встретить её образ.

И это правда! Да, да! В это невозможно поверить, но по рассказам старых охотников княгиня Юл в белом одеянии до сих пор странствует в беломошных бескрайних сосняках в верховье Мезени. Не только бывалые охотники встречались с ней, но и я имел случай один раз встретиться с ней. Созерцаемая и осязаемая, белая женщина околдовала меня не просто своими чарами, статью, красотой, а главное, какой-то волшебной притягательностью и благодатью, отчего я до сих пор испытываю чувство благодарности и благоденствия. И мне всё равно, если кто подумает либо посчитает это мистикой.

А ведь всё произошло довольно обыденно.

Было раннее утро, когда местные рыбаки после ночлега в избушке попрощались со мной и отчалили на деревянной набойной лодке от берега. Я ещё раз помахал им рукой и присел на камень, любясь озарённым горизонтом. Восход солнца успокаивающе ласкал моё заросшее щетиной лицо, но продолжал бодрить мягким туманом. На радость бабье лето изо дня в день баловало меня своей очаровательной щедростью и теплотой. И я так старался насытиться осенним благоуханием, что даже во время текущих регламентных работ зачастую филонил в тихую тёплую погоду, отвлекаясь то на «горящую» листву, то на шумное ликование стай хохлатых дроздов-рябинников, то на скученные шарообразные полчища мошек под пологом вековых елей, то на брусничные подушечные бугорки, налитые красной ягодой...

Как-никак, но от воды тянуло холодком, почему и вскоре, изрядно озябший, поспешил в тёплую избу. Рубленый почерневший сруб чем-то напоминал старинный амбар

с козырьком, хотя приземистое жилище с двумя небольшими окошечками явно отличалось печной трубой и невысоким основанием.

Да, кстати, возможно вздор, но в этот день должен был прибыть на лодке мой коллега, техник Виктор Прохоров за образцами грунтов и материалами. Другой бы радовался, что полевой сезон закончился, а я как-то сейчас не думал об этом и не имел, честно говоря, никакого желания покинуть это место, будто что-то меня сдерживало. Практически три недели, проведённые в этом глухом уголке, нисколько не тяготили меня и главное, не ощущалось усталости. В углу жилища нагромодились наполненные лотки с образцами, на стене висел выпуклый планшет с рабочими документами и отчётами, схемами пробных площадок и абрисами маршрутов, на горячей плите печки всё ещё парили котелок и чайник... Разлёгшись на полати и укрывшись наполовину короткой стёганой фуфайкой, я тихо задремал, утопая в глубине сонливости. Я уже не чувствовал, как тепло разлилось по всему телу, но внутренне ощущал некий знакомый запах воздуха и лёгкость.

В какой-то момент непонятная сила воздействия помимо воли заставила открыть глаза. Отчётливо осознавая своё положение, я также отчётливо увидел пред собой женщину в белом одеянии, сидящую на скамейке. Её длинные распущенные белые волосы ровно покрывали плечи и свисали ниже груди, а сине-голубые глаза пронзительно изучали меня. По крайней мере, так показалось. Однако взгляд обдал холодом, отчего сначала мне стало не по себе, но чем дольше я смотрел, тем больше терял самообладание. Сознание будто помутнело, и так захотелось её обнять, поцеловать, то есть я был готов на совершенно решительные поступки как мужчина. А может это сиюминутная страсть? Да нет же, нет! В этом и загадка, ибо до сих пор уверен, что сила женских чар, а может приворота, безгранична и всецельна. Признаться, впоследствии я ощутил высочайшее блаженство и от ощущения привлекательных форм женского тела, и от взаимного физического удовольствия, и даже от собственной всецелой покорности. Казалось вот оно счастье!

Как ни странно, ранним утром мы вместе купались с ней в реке, но как только появилась за поворотом лодка, моя ненаглядная таинственно исчезла.

Охваченный страхом и растерянностью я на какое-то время потерял дар речи. И когда Прохоров тряс меня за плечи и громко кричал, пытаюсь понять моё состояние, я сам ничего не понимал и не соображал.

К вечеру постепенно я оклемался и пришёл в себя. Испуганный коллега потом то ли всерьёз, то ли в шутку долго ещё считал меня свихнувшимся. Стыдно признаться, но я и сегодня мечтаю встретиться с таинственной лесной незнакомкой. Хотя, почему незнакомкой? Не знаю, как бы сложилась тогда моя судьба, если бы вовремя не прибыл мой товарищ и спаситель

Виктор Прохоров. Честно говоря, иной раз и сам сомневаюсь, что такое со мной произошло.

Вообще, полевые работы – это тяжёлый труд не только на выносливость, терпение, умение, а это, скорее, некое состояние человека, как специалиста своего дела, который практически в экстремальных условиях постигает уроки самовыживания и скрупулезно, через тяготы и лишения, добросовестно, без нытья выполняет необходимые производственно-исследовательские задачи. Проще говоря, искатели - бессеребряники на пользу Отечеству! Хотя, что греха таить, раньше я считал не совсем так, ибо романтика и риск захлёстывали порой полезные эмоции, видимо, поэтому ещё не раз попадал впросак из-за своей глупости. Но была искренняя вера и преданность своей профессии, которые и определили мою дальнейшую судьбу.

Итак, в пожелтевшем, изрядно истрёпанном блокноте обнаружил еле различимые записи, сделанные карандашом о Мезенской Ёлве. Воспоминанию содержание текстовок трудно поддавались, но когда прочитал о «Плачущей» горе, будто ёкнуло в сердце: «медведь с медвежатами», «бубен», «вывих ноги», «голубоглазая девочка верхом на лошади»... Да, было, было ...

В семнадцати километрах вверх по течению от устья речки Мезенская Ёлва среди череды крутых лесистых бугров, подступающих к воде, затерялась небольшая каменистая ложбина, от которой змейкой вытекает подземный ручей. Казалось бы, ничего особенного. Подобных светлых уголков природы на Удоре немало. Но что поразило?

Когда я под пологом шатровых пихт разбил палатку и обустроил свою временную стоянку, стал замечать странные явления, происходящие вокруг выбранного места. Во-первых, с наступлением темноты в первую же ночёвку заметил по периметру ложбины некое точечно-прерывистое свечение на земле. Однако, подойдя ближе, святающиеся пятна медленно исчезли, как будто затухли. Бело-матовый свет мне напомнил свечение фосфорных камешков на циферблате наручных часов Прохорова. Немного оправившись от волнения, я поднялся на бугорок, чтобы лучше обозреть контуры свечения и нарисовал карандашом увиденное. Получилось изображение почти ромбовидной формы. И тогда меня осенило: «А не может ли это быть каким-либо древним сооружением? Допустим, жилищем людей с крепостной оградой да тех же чуди, в конце концов!» Утром, складной лопатой я попытался отрыть небольшую траншею именно на линии свечения, но увы, кроме зольного слоя толщиной в палец, ничего примечательного не обнаружил.

«Итак, что имеем? Первое – свечение в тёмное время суток, второе – отсутствие фундамента, третье – наличие зольной прослойки, четвёртое – подземный холодный ключ,

пятое – ложбина не зарастает древесными породами, судя по контуру свечения, имеет чётко выраженную границу, - размышлял я, пытаюсь проанализировать ситуацию. Шестое – воздушная среда однородная, без признаков посторонних запахов, седьмое – почва подзолистая, иллювиальный слой плотный... Эх! Сейчас бы радио-замеры сделать да пробный химический анализ почвы! По крайней мере, здесь никакой опасности для себя не вижу, и то хорошо. Ладно, пора своими изысканиями заниматься, а то, и за неделю не успею».

Вечером после обхода участка по квартальной просеке я еле добрёл до своей «берлоги» и обессиленный рухнул. Через полчаса, очнувшись от усталости, сначала утолил жажду в ручье и лишь после этого принялся разжигать огонь. Маршрут оказался тяжёлым: буреломы и крутые лесистые бугры отобрали все силы. И сейчас, когда уже расслабился, чувствовал дрожь по телу. Обезвоженный организм требовал определённого времени для восстановления нормального состояния. А тут ещё комарьё и мошкара надоели как - никогда. Короче говоря, настроение угнетённое и единственное желание было скорее напиться горячего сладкого чая. Снова побрёл к ручью, чтобы набрать в котелок и чайник родниковой воды. Неожиданно мой взгляд упал на округлый предмет, который блестел на галечном дне в двух шагах от меня.

Без всякой мысли забрёл в ручей и наклонившись нащупал его рукой, пытаюсь достать со дна. Округлый камнеподобный предмет не поддавался, пришлось немного отрыть по бокам. Но, когда извлёк, признаться стало не по себе – в руках я держал человеческий череп! Опешив, так крепко вцепился пальцами за края, что не мог их разжать, пока не открылось дыхание. «Господи! Свят, свят! - перекрестился я и бережно положил находку на гальку. – А может, святящиеся точки также черепа? Допустим, древние жертвоприношения либо своеобразные захоронения?» Да, что уж там думать или предполагать. Я вычистил, вымыл от песка черепушку и без задней мысли занёс в палатку. После позднего ужина смиренно уснул вопреки ясному осмыслению, в каком месте я прибываю. Пожалуй, кульминацией стал завершающий день изысканий. Впрочем, всё по порядку. Затянутое небо сплошным тёмно-серым полотном хмуро стонало редкими птичьими голосами, вялыми порывами западного ветра и дышало влажным воздухом. Уже как два часа я с трудом преодолевал заросли ивняка по берегу речки и, наконец, вышел на крутую известняково-скалистую стену, которая «подковой» огибала излучину протяжённостью, эдак, на метров восемьдесят, не меньше. В трещинах и мелко испещрённый временем, ветрами, дождями её цельный фасад, будто держал передний край от разрушений вокруг прилегающих творений природы. Причём, посередине «подковы» выделялась выпуклая «щека», по которой, как из глаз двумя струйками непрерывно текли прозрачные «слёзы». Плачущая гора, видимо имела некий

смысл для каждого проходящего мимо, ибо у подножия была небольшая куча покрытых налётом камней, явно сложенная руками людей в знак признательности Чудесам природы. Малая вода в речке позволяла мне боком пройти до конца стены, где заметил еле различимые замшелые разные насечки на гладкой каменной плите. Как сумел, затем подчистил кончиком лезвия ножа неровные борозды и срисовал в блокнот, почему мне и известна вся надпись в виде знаков. Вот она: «dnt ». Конечно же, подобные символы мне ни о чём не говорили тогда и сейчас также не знаю разгадки. Но, известно одно, что любые знаки на камнях высекали не спроста, а по каким-либо значимым событиям или увековечивая святилище. И очень жаль, что в то время у меня не было фотоаппарата. Кстати, впоследствии много раз приходилось только вздыхать от безвыходности запечатлеть прекрасные и таинственные мгновения.

«Яма чуди»

Судьба остальных чудей из племени Яла почти два столетия имела своё продолжение без каких-либо трагических последствий за исключением одной общины, которая выбрала своё пристанище между нынешними деревней Кучмозерье и селом Глотова (от местечка «Мича Ичмонь» Вниз по реке Мезень 197 км). Глава общины Нил, как старейшина, не случайно отделился от остальных сородичей ибо случай тому стал волей выбора. Его сын увидел свечение на бугре, где звезда с небес упала на землю. Люди на этом месте возвели жилища как раз перед наступлением холодов около незамерзающего подземного источника. Междуречье притока р. Ирва и Большой реки (р. Мезень) позволяло без особых усилий пережить первую зиму, так как обитатели вовремя сумели запастись и оленьим мясом, и рыбой, и жиром, и зерном, и ягодами – грибами, и лечебными травами – кореньями. Характерным для чуди тех времён жилищем были полуземлянки со смежными помещениями и запасным выходом, широкие печи с трубой и «змейками» внутри сохраняющими тепло. С южной стороны располагался встроенный хлев и сарай, с северной - погреб и чулан. Помимо этого, сообщающиеся ходы и система вентиляции в условиях компактного обустройства позволяли обитателям в случае необходимости легко перемещаться внутри, не выходя наружу. Отдельно на территории общего двора был «мытник» (баня), где в определённый день последовательно сначала мылись мужчины, а затем женщины с детьми. Кстати, в такой «чистый» день все работы, кроме неотложных хозяйственных, отменялись. И вообще, житие планировали по особому природному календарю, а это означало, что между полнолуниями в зависимости от сезона года выполнялись необходимые трудовые и промысловые занятия.

Существовал и периодический ритуал очищения души от скверны и болезней, посвящения брачных союзов и в охотники, омывание новорождённых и усопших, а также обряды восхваления

за труды полезные и приношения растительных, животных даров Богу воды. Чуди отличались и дисциплиной, и уважением друг к другу, и почитанием старших, и верой единой, и волевым воспитанием сызмальства - на этом строились традиции и культура. Причём, сложившаяся иерархическая структура в общине выстраивалась по возрастной категории глав семейств из числа мужчин-наследников, хотя бывали и исключения по причине смерти, немощности либо грубого нарушения устоев общины. Каждая община имела свой родовой знак, и каждая в ней семья - свой символ в этом знаке.

Итак, для обитателей общины Нила наступила первая весна на новом месте. Ещё не везде снег сошёл, а люди уже готовили выбранные подсеки, где выжигали лес под пашню. И стар, и млад вносили свой посильный вклад в общее дело: кто из ивовой лозы плёл корзины, кто из бересты и капа изготавливал разную утварь, а кто - лодки-долблётки и рыболовные снасти. Но после завершения посевных работ над поселением чуди стали происходить непонятные явления. Почти каждую ночь сверху громкие раскаты грома с молниями разрывали небо и на жилища сыпались тысячи огненных искорок. И так продолжалось сорок семь раз, то есть ровно столько, сколько было лет отроду старейшине Нилу. Тогда глава общины собрал всех своих сородичей и объявил: «Кара небесная против нас, а скорее, против меня. Тёмный дух зла преследует нас и не пускает в чистую обитель благодатной Природы. Большая река принимает нас достойно, но силы небесные против. И то, что я поверил знамени небес, когда упала звезда, это моя ошибка. Поэтому каждый вправе высказать своё мнение».

Мужественный, коренастый, смуглолицый бородач, пожалуй, впервые позволил себя показать перед другими слабым и растерянным. Люди с тревогой и надеждой смотрели на своего благодетеля, но упорно молчали. Тогда, после долгой паузы, встал старший сын главы общины Чу и с поклоном ко всем присутствующим попросил слово. Отец молча кивнул головой. «Я виновен во всех бедах, ибо я первым увидел падающую звезду. И моя просьба отпустить меня с семьёй на Большую реку, чтобы найти свою обитель и пристанище. В семье моей двое сыновей вольного возраста, которые будут моей опорой. Кроме того, я не претендую на наследие. Я поклоняюсь Отцу своему и всем соплеменникам за доверие ко мне, и пусть долги наши останутся со мной, тогда и милость небес вернётся ко всем», - Чу закончил свою речь и поклонился. Никто не ожидал такого поворота событий, и только Нил, также неожиданно для всех, дал согласие.

Через три дня вся община проводила семью Чу в неизвестный путь.

И действительно, гром и молнии не пугали больше людей много-много лет, а именно до той поры, пока не появились другие соседи - вымские коми крестьяне. Новые переселенцы обустроили недалеко свои селения. На берегу Большой реки ниже по течению построили

Глоново-Слободку, а на реке Ирва - деревню Кучмозерье. Хотя уклад жизни коми жителей несколько отличался от чуди, их объединяло единство с окружающей природой. Гордые чуди не общались с коми-зырянами, но и зла не держали даже, когда их пути пересекались во время охоты и рыбалки. В те времена коми тоже были язычниками и почитали своих богов. Однако трагическая судьба общины чуди надолго осталась в памяти удорян. Однажды ночью небесные силы так разгневались, что небывалые раскаты грома и яркие молнии потрясли всю округу. Огненные стрелы безжалостно пронзили жилища, и весь двор был объят пламенем. Испуганные люди спрятались в подземном помещении и оказались заживо погребёнными. Не выжил никто. Из ближайшей деревни Кучмозерье уже утром пришедшие жители увидели страшную картину. Дым и пепелище, огромная яма и чей-то глухой стон, доносившийся из-под земли, говорили о конце света для чуди. До сих пор местные люди называют это место «Ямой чуди».

Два дня мы с Прохоровым на вёслах спускались вниз по Мезени. Позади, вместе с базой экспедиции, остались и приятные воспоминания о бане по-белому, чистой постели, борще по-домашнему... За три дня отдыха мы не только набрались сил, а пополнили продуктовый запас, узнали свежие новости, уточнили план дальнейших изысканий, обновили снаряжение. И сейчас легко, с хорошим настроем на ходкой деревянной лодке за поворотом, судя по карте, ожидали местечко Шёрёзын с приметным бугром.

«Ну что, Витя, устроим ночлег прямо здесь на берегу, уж больно это место глаз радует, - как только причалили, тут же я предложил товарищу. - Хотя отсюда деревня Кучмозерье всего в трёх верстах, но некогда гулять. У нас с тобой до утра трассировка маршрута, съёмка. Ну, посмотрим, что за местность. Да, и выбрать надо, где застолбиться».

«Иваныч, давай пока не о работе, - откликнулся Прохоров, устанавливая палатку. - Я так хочу жрать, что сил нет! Давай горяченькое что-нибудь, а то костёр уже догорает и вода в котелке выкипела».

После вечерней трапезы в разговоре Виктор высказал интересное наблюдение: «А знаешь, Иваныч, вот где бы мы ни останавливались, я имею в виду прибрежные участки, везде скрипят только самые крупные деревья. Вроде бы ничего удивительного, они перестойные, с возрастом одряхлели, но если ты заметил, именно в этих местах уровень перспективных почвенно-минеральных пластов самый высокий. А сейчас слышишь? Ветра почти нет, а скрипы есть и где-то рядом».

«Да, есть какая-то закономерность, ты прав, - согласился я и добавил. - И особенно в брусничных типах лесных массивов, где и бонитет состава, и плотность древостоя выше. Удивительные девственные леса! Недаром сланцы, кварц, бокситы, гранит, мрамор, золото

прямо на поверхности земли. Бери - не хочу! Эх! Нам бы ещё научиться пользоваться, а то научились только грамотно изведать. Вить, но скажи, ведь предки все эти земные богатства сохранили для будущего, а где благодарность взамен?»

Ещё какое-то время между разговором любовались плесканием хариуса на тёмной речной глади и лишь потом залезли в спальники.

Через день мы перенесли свой скромный лагерь в глубь леса, где и разбили палатку возле небольшого ручья, который вытекал сверху с бугра, вероятнее всего с родников ибо в округе поблизости не было ни болот, ни озёр. Да и вода была очень холодной и прозрачной как слеза. По руслу белый кварцевый песок выделялся узкой каймой, хотя местами выпячивались галечные «языки». Ночь выдалась тёплой и безветренной. Стройные высокие сосны вперемежку с молодыми хвойными кустарниками разукрасили ландшафт зелёно-оранжевыми цветными фонарями и витиеватыми сюжетами. Утомлённые за день, после сытного ужина, мы вдвоём молча сидели у костра и дремали. Виктор, в полной дремоте, что-то ещё пробурчал про себя и первым удалился в палатку спать. Я спокойно сидел перед тлеющим костром и думал о завтрашнем дне. «Какая тишь да благодать»,- подумал про себя и лишь изредка улавливал лесные шорохи. Отяжелевшие веки постепенно смыкались, а голова увесисто склонялась на грудь. Но вдруг услышал дальние звуки похожие на барабанную дробь. Они то отдалялись, то приближались и прерывисто переходили в глухие стоны. «Господи! Ничего не пойму! Что это?» - дремоту как рукой сняло и уже внутреннее напряжение охватило всё тело. Чем больше я вслушивался, тем сильнее колотилось сердце. Затем поднялся на ноги и немного отошёл от костра, внимательно всматриваясь в темноту. А странные звуки продолжались. Даже как-то на мгновение показалось, что где-то там, вдалеке, ярко-красное зарево заиграло. Честно говоря, начал испытывать определённый страх, когда вновь вполне отчётливо увидел далёкий столб света, который также неожиданно исчез, как и появился. Причём, звон в ушах не давал сосредоточиться, чтобы понять, что же происходит на самом деле. Да – а, а ведь стоны человеческие! А может, чья-то избушка сгорела, и там люди? Да нет же, на карте поблизости нет никаких лесных строений, а деревня в другой стороне. А может мираж и всё это мерещится? В конце концов, я обратно присел возле угасшего костра, закрыл ладонями уши и попытался успокоиться. Что дальше произошло, не помню, но очнулся, когда уже рассвело. Оказывается, спал сидя. Озябший от утренней свежести сначала разжёг костёр и повесил на крючок чайник с водой. Из палатки доносился здоровый храп Виктора. А вокруг снова любопытные сойки, на верхушках деревьев стайка неугомонных клестов выколачивали семена смолистых зелённых шишек, где-то дробью барабанил дятел, над головой порхали хвостатые бабочки – сосновки, в общем, после унылой ночи тайга ожила привычной жизнью.

«Странно, но ведь в полночь было всё по-другому и, главное, пережитому нет логических объяснений. Странно...» - опять мысли лезли в голову, не давая покоя.

Вскоре, разбудив напарника на завтрак, я не счёл нужным рассказывать о ночных ощущениях, а, наоборот, поторопил его совместно уточнить рабочие маршруты на сегодня. Настроение у обоих было бодрое и под весёлые анекдоты мы с удовольствием слопали по миске перловой каши. Довольный Виктор даже похвалил меня за то, что я в такую рань умудрился приготовить горячий завтрак. Конечно же, я не подавал вида о мотивах усердия да, впрочем, это и не важно было. Важнее для меня было другое, ознакомиться с незнакомой местностью. На маршрут мы вышли вместе и около одного километра топали по квартальной просеке до исходной точки, где и разделились по разным сторонам. Ещё через полчаса пересёк с виду обычный бурелом, но что удивило? Почти все верхушки сосен были обгоревшими, где-то обуглившись и почерневшие, а где-то только высохшие с сохранившейся пожелтевшей хвоей. Признаков лесного пожара я не обнаружил. Многие деревья лежали внахлест верхушкой к верхушке, а вывороченные корневища и переломанные почти на половину стволы представляли удручающую картину. Это какая же неведомая разрушительная сила могла причинить эдакую боль живому лесу! К полудню на абрисе нанёс почти все отработанные пробные точки. От отяжелевшего рюкзака ныли плечи, и нужно было где-нибудь у воды сделать привал. Но, надежды наткнуться на ручей либо лужу не оправдались. И пока по компасу лишь сориентировался на круг в сторону нашего полевого лагеря. По профилю местности возвышенностей было немного, но когда я набрёл на кратерообразную, чуть вытянувшуюся, заросшую яму, несколько удивился. «Странно, сосняк, почва песчаная, иллювиальная, наверняка творение человеческих рук, - подумал я, снял рюкзак, планшет, собрал складную лопату и спустился вниз на дно. Не успел ещё отрыть ямку глубиной до сорока сантиметров, как наткнулся на чёрный зольный слой с древесными загнившими остатками. А вот вторую ямку легко удалось углубить до одного метра, а дальше оказалась пустота, и даже чуть не выронил из рук провалившуюся внутрь лопату. Но как назло заморосил дождь, и моя куртка-энцифалетка стала предательски намокать. Пришлось прекратить дальнейшие поиски того, чего я сам не знал. Однако некое профессиональное чутьё предсказывало мне в следующий раз докопаться в прямом и переносном смысле до разумных выводов.

Так я и решил. Придя в лагерь, поделился мыслями с Витей, который загорелся любопытством больше, чем я.

Итак, новый день мы посвятили загадочной яме. На месте определили отрыть дно по периметру. «Иваныч, действительно здесь много золы и обугленные фрагменты деревянной конструкции, - пыхтя от потуг, сбивчиво говорил Прохоров, выбрасывая на поверхность чёрно-

красные куски. - Видимо, когда-то в древности, была стоянка людей. А вот и осколок от глиняной посуды. Да, да, так и есть».

Чумазы и потные мы уселись на край ямы отдохнуть и несколько минут смотрели на свои раскопки. «Та-а-к! Какие предположения?» - спросил Виктор меня, указывая пальцем на изрытую площадку. «А что? Попробую выложить свои соображения, - уверенно заявил я и после недолгой паузы начал излагать свою версию. - Судя по конуру фундамента, строение было жилищем людей типа полужемлянки с подвальным помещением, о чём, кстати, свидетельствуют пустоты. Причём, пожар уничтожил верхний и средний ярус, а нижняя часть повреждена лишь частично. Но надо посмотреть подвал, тем более, что он глубокий и позволяет, как я думаю, проверить самим. Давай сходим в лагерь, пообедаем заодно, возьмём фонарики, верёвку и продолжим обследование. Уж больно притягательное место». «Да нет вопросов! Сходим в лагерь, - тут же согласился коллега. - Эх! И почему я не работаю археологом? Ведь как интересно первым прикоснуться к древности, узнать историю предков...» «Ты, я вижу, совсем голову потерял от мечтаний, - улыбнувшись, я похлопал по плечу Прохорова. - Чёрт побери, мне тоже очень охота заглянуть в эти пустоты. А вдруг обнаружим нечто таинственное?»

И вот наступил тот волнительный и долгожданный момент, когда Витя первым, держась за мои руки, прыгнул в чёрную яму. «Да, тут довольно глубоко и какие-то лабиринты или ходы, не пойму, - снизу кричал он, играя лучами фонарика вокруг себя. - А воздух здесь тёплый и какой-то запах, будто от кипячёного молока. Да, вижу два обвала, но пролезть можно. В общем, Иваныч, спускайся!»

Закрепив один конец верёвки за дерево, я быстро спустился вниз. Виктор, сидя на корточках, буквально в трёх шагах от меня осматривал завал в проходе и что-то бормотал. Слева и справа куда-то в глубь уходили ходы. Неровные стенки местами блестели мелким белым налётом, но сырости не ощущалось. Полусогнувшись, незаметно для себя я углубился в ближайшем проходе и очутился в объёмном полуподвальном помещении. Своды были выложены в нахлест чешуйчатообразными лопастями, скорее из лиственницы ибо на свету они приобретали бурый окрас. Казалось невероятным, но на стенах хаотично выделялись различной величины какие-то гладкие наросты, похожие на остывшие от плавления смолевые выделения. На неровном земляном полу заметны были небольшие кучки мелкого песка, а по периметру лежали покрытые пылью довольно массивные валуны. Только я выпрямился, как на щеку что-то капнуло холодное. Вытер пальцем и посветил фонариком. Чёрная вязкая жидкость по запаху даже чем-то напоминала смазочное масло нигрол. Осторожно сделав два шага во внутрь помещения, нечаянно почувствовал чей-то взгляд, хотя точно знал, что никого нет. Я ещё раз огляделся вокруг, но в лучах света лишь еле проглядывались тонкие клубы пара от собственного дыхания. Внутри

всё заклокотало, от сильного волнения мною овладел страх, и только единственная мысль была по вискам - скорее уносить ноги. В ушах постепенно усилился звон, а ноги начали тяжелеть. Я уже удалялся от заколдованного помещения, как вдруг услышал протяжные убаюкивающие звуки.

«Где-то я уже слышал...» - единственное, что я успел подумать. Всё произошло за какое-то мгновение, как прямо в лицо ударила ярким светом вспышка, и пронзительная боль поразила грудь.

Когда открыл глаза, понял, что лежу в проходе, зажатый в руке фонарик тускло светил на серую стенку. Попробовал пошевелиться. Ага! Получается. Тогда я с трудом приподнялся на колени. Перед глазами был сплошной туман, а отяжелевшую голову дурманил запах гари. Из всех сил на полусогнутых, падая и опять двигаясь вперёд, я искал спасительный выход. Как будто обезумевший, отталкивался одной рукой от стенки, ударяясь головой и, не чувствуя уже никакой боли, с трудом наконец, вырвался из подземного плена. Очутившись в проёме, в который спускались с Виктором, я споткнулся и рухнул на него лежащего. Мой товарищ, обхватив голову обеими руками, громко стонал. «Витя, Витя, вставай! Витя, немедленно надо наверх! - кричал и тряс его за плечи. И тут я заметил, как из соседнего прохода полыхало пламя небольшими языками, выбрасывая снопы искр. Приподняв Виктора, вложил ему в руки конец верёвки и, всячески помогая ему, заставлял подниматься наверх. Наверно, инстинкт самосохранения возымел над упадком сил и он, как раненый зверь, с рёвом самостоятельно начал карабкаться наверх, хотя снизу я тоже подталкивал его как мог. Затем сам последовал за ним, и уже он тащил меня сверху. Дневной свет бил в глаза и последнее, что я помню, это сноп пламени в виде огромного выхлопа из ямы. Хоть и лицо обдало жаром и копотью, мы оба чудом выжили.

Правда, огонь обжёг одну ногу у Прохорова, но тот лишь громко матерился на чём свет стоит и дико хохотал.

Впоследствии мы сутки почти не разговаривали друг с другом, а больше времени спали, стараясь забыть кошмарные приключения. Нет! У нас не было абсолютно никаких взаимных обид, просто каждый из нас старался осмыслить произошедшее.

Да-а, не зря старые люди говорили мне когда-то, что «дух чуди бессмертен».

Ещё через четыре дня мы закончили работы. Перед тем, как покинуть местечко Шёрёзын, по-правде говоря, было мыслишко ещё раз сходить до «Ямы чуди», но, как говорится «бережёного бог бережёт».

Чуть позже Виктор мне признался, что тогда в проходе на свету он отчётливо видел человеческие фигуры, которые, протянув руки, медленно двигались навстречу. И что со страху он даже не помнил, как очутился возле выхода наверх.

Больше о том случае, что с нами произошло, мы не вспоминали.

Чернутьевское городище

Примечательно, что Чу и его семья, преодолев по реке расстояние более, чем сто вёрст, благополучно добрались до местечка Кар-нõрыс (чудский город), где сейчас село Чернутьево. Объединившись, там проживали три общины, а князем был Кий, который пользовался большим авторитетом среди чуди ибо не только был силён умом, но и обладал способностью прикосновением рук и с помощью заговоров творить чудеса, а также исцелять от болезней. Да и построенное на высокой горе городище выглядело как чудо-крепость.

Прибывших с верховья Большой реки приняли достойно, и семья Чу спокойно обрела постоянное пристанище.

Промысловые и сенокосные угодья простирались в радиусе двадцати километров и более, а вокруг городища раскинулись пашни. В зимнее время снаряжались конные подводы, гружёные пушниной, шкурами, рыбой, дичью, глиняной посудой, пером, игрушками... и отправлялись на ярмарки в Вологду, Новгород, Москву.

И надо сказать, что до наших дней существует народное предание о спрятанных сказочных богатствах золотых изделий и монет. По одной версии клад зарыт между тремя буграми близ «Кар-нõрыса», по другой - утоплен в озере «Вõйса-ты». Но как бы то ни было, чуди жили зажиточно, о чём свидетельствуют сохранившиеся украшения, драгоценные камни, серебряная посуда, шелковая и парчовая одежда.

Очевидно, коми-зыряне по уровню жизни отставали от чуди во многом, и, кроме того, проживали небольшими поселениями.

При выемке почвенных образцов я не раз обнаруживал и зольные прослойки, и остатки деревянных конструкций, и фрагменты глиняной посуды. И когда на 47^м пикете, что в трёх километрах от деревни Елькыб по направлению в сторону села Чернутьево, лопата уперлась явно на что-то металлическое, был ошарашен находкой. С Полуметровой глубины вынул лошадиную подкову, но не совсем обычную. Осторожно соскрёб лезвием ножа буро-чёрный налёт с предмета и увидел до боли знакомый нарисованный знак в виде конуса. «Неужели подкова чуди? – воскликнул я от радости. Ну, а чья ещё? Ведь конус – символ чуди! Да – а!» Я ещё раз потёр рукавицей, стараясь довести до блеска, но не получалось. Только полукруглый в центре выступ приобрёл ярко-бурый окрас и не более того. «Та-а-к! Вот мой оберег от всяких опасностей и

наваждений. Да каких наваждений, духов! Пожалуй, это на счастье!» - вдохновлённый удачей подумал я и положил подкову в нагрудный карман куртки.

Причём, это место на план-схеме отметил кружком. Честно говоря, хоть и одолевала меня шкурная мысль ещё покопать, но какое-то шестое чувство подсказывало мне, что удачи не бывает сразу много. Прогибаясь под тяжёлым рюкзаком, пыхтя и обливаясь потом, я, упорно преодолевал намеченный маршрут, не взирая на довольно крутые лесистые бугры. Наконец, вышел на ручей с озерком. Ключевая вода была холодной и чистой. Сбросив рюкзак, снял промокшую куртку и окунулся с головой в воду. Мурлыча от приятной свежести, руками плескал воду на себя и радостно улыбался, как ребёнок, ибо настолько это забавно выглядело со стороны, что любой наблюдающий наверняка бы вспомнил своё детство. Затем, расстелив куртку, я разлёгся у воды, чтобы дух перевести. Но тело гудело от усталости, а мышцы ног будто горели, поэтому спешно снял бродни и только тогда ощутил настоящую свободу. Подложив рюкзак под голову и испытывая истинное блаженство, я молча, безмятежно смотрел на воду ни о чём не думая. В принципе, рабочий день был закончен, поэтому я не торопился до своей палатки, тем более, что до неё осталось как «рукой подать».

Но что это? Либо мне чудится? На ласковой глади озерка выросли человеческие фигуры: первая – смуглый бородатый мужчина в длинной холщовой рубахе и штанах, в кожаном жилете, похожим на камзол, бахилах и в руках держит копьё; вторая – женщина с длинными, ниже пояса светлыми волосами в холщовом балахоне и тюнях из кожи; третья – подросток с русыми волосами, в холщовой длинной рубахе с поясом и бахилах; четвёртая – девушка в длинном холщовом балахоне с пояском и кожаных тяпи, а волосы подобраны и подвязаны разноцветной тесёмкой. Но самое удивительное было в другом, из под их ног проглядывалось яркое свечение и лёгкий молочный туман плавал над поверхностью воды, а я их видел реальными, то есть как живых. Я чувствовал даже их дыхание. Как ни странно, даже отчётливо слышал голос главы семейства, этого бородача, который как бы спрашивал, хотя я не понимал слов, - «Блаженны ли вы, люди Большой реки, творениями мирскими аль покой потеряли из-за корыстных помыслов аль выхода нет аль память не чтёте?... Дума от сердца, как вода слеза, а кои так, то жить вам трудах на благо честных помыслов. Не бывать ереси, только вода святая отчистит душу! Помните, ни огнём, ни мечом нельзя покорить веру!» Через какое-то время у меня затекла левая нога от застывшей позы и не помню, каким образом в ответ заговорил с бородачом: «Случалось, я уже встречался с вашими братьями. Они появлялись передо мной, но не разговаривали. Я не желаю вам зла, однако понять не могу, извините, конечно, вы духи чуди или на самом деле до сих пор существуете?»

А они смотрели на меня, не шелохнувшись и не моргая глазом, как будто изучали.

Шли секунды, минуты, и мне стало как-то не по себе, и я понимал, что от меня ничего не зависело в подобных обстоятельствах. «Господи! Спаси и сохрани!» - единственное, что я успел подумать, прежде чем они исчезли в дымке.

Через пять минут уже я уносил ноги с этого места, стараясь поскорее дойти до своего «логова».

Кстати, найденная подкова, которая сегодня висит дома на стене, много раз ещё послужила мне талисманом удачи. Ну, а пока я продолжу об исторической действительности Чернутьевского городища.

В период христианизации судьба чудского города была обречена. Судя по легенде, написанной этнографом Питиримом Сорокиным в 1911 году, обстоятельства складывались следующим образом: «Когда Степан (Стефан Пермский) пришёл крестить в «Кар-нõрыс», его не пустили, заперли ворота, и чудской князь решил умереть, а не креститься...А был он с крыльями. И пришлось Степану уйти обратно за солдатами...

Когда пришли солдаты, то взяли город приступом, кого поубивали, кого силой крестили, кто убежал, а сам князь улетел куда-то...А была у того князя дочь, красивая, молодая, статная. Одела она лисью шубу, села в лодку и запела:

«Мой дорогой «Кар-нõрыс»,
Место, где ела я сладкую крупу.
Полная рыбы речка
Остались! Пропадайте!»

(кар - город, нõрыс - мыс)

И бросилась она в реку. И пропала её бедная головушка...»

Впоследствии долгие годы местные коми жители Чернутьево на месте городища часто слышали стоны когда-то погребённых заживо чуждей. Опасаясь проклятий и колдовской силы духов, люди поставили крест («Ильин крест»), после чего наступило успокоение.

Уже шёл третий сезон как я участвовал в составе экспедиции. По данным схемы профиля местности как раз занимался определением границ базовых пробных площадок. Со дня на день должны были прибыть в село Чернутьево два геофизика, а я их должен был встретить. Сам временно проживал в деревенской избе, снимая комнату у пожилой четы Афанасьевых. Хозяева, дед Илья и бабушка Парасковья, ко мне относились душевно и любили коротать вечера за самоваром, рассказывая мне о всякой всячине. Я с трудом понимал коми говор и старался их не обидеть своим невежеством, поэтому чаще всего кивал головой и поддакивал. Но один раз Парасковья достала из сундука любопытную старинную вещь, поясняя, что это досталось ей по наследству от родителей. Перед взором предстал величиной в ладонь чёрный фрагмент

деревянной статуэтки. Гладкая форма с множественными мелкими трещинками чётко изображала человеческое лицо с конусом на голове, шею, плечи и часть груди на месте разлома. Указывая пальцем на реалитет, хозяйка убедительно старалась пояснить, что это идол древних чудей, которые когда-то здесь были первообитателями. Конечно же, моим расспросам не было предела. В конце концов, я уяснил лишь место бывшего городища и освящённый чудским князем родник, который совсем рядышком вытекает в реку. Но к счастью потом заговорил со мной тэт-а-тэт дед Илья, который гораздо лучше понимал по-русски: «Милой, морт! Э-тэ-кё, этот идол тунавны вермас, э-тэ-кё, волшебник! А нёшта-на, зэв уна озыр, богатства кёнкё дзебёмны быттьёкё, попрытаны, но никто оз тёд кёні А я, чайта, пустое дело корсьны, я говорю искать-то что? Как сійё? Казна, казна чуди! Болтают-то всякое, а вот чудеса здесь есть, счас же всякое...Бывает и скот пропадает, и рыба куда-то девается в реке...Но вот ключ хорош, зэв бур, мортёс бурдёдö, я говорю ключ полезный человеку». После недолгого разговора дед развёл руками и снова, как и прежде, замолчал.

Полученная информация о древней стоянке чуди меня вдохновила не на шутку, тем более уже имелся определённый накопленный материал о чуди за предыдущие два года. С позволения хозяйки напоследок сфотографировал своим стареньким «Зенитом» фрагмент идола и на этом вроде успокоился, но короткие записи в блокноте всё равно будоражили моё воображение, и поэтому я заранее спланировал завтрашний день перед сном.

И вот я уже у подножия большого холма, который наполовину выглядит, как луг, а остальная часть покрыта лесом. На вершине, примерно метров на сто, вытянулась седловина. На первый взгляд вроде ничего необычного, разве что травостой выше, чем на примыкающих лугах. Однако, стоило обойти вокруг, как глаз замечает контуры заросшей насыпи с двух сторон. Я выкопал в разных местах несколько неглубоких ям и убедился в том, что в двух случаях имеется чётко выраженный зольный слой. Ну что ж, это уже удача. Тут же нарисовал в блокноте визуальную схему высот и зашёл в лес, тем более, что над головой уже нависли сплошные свинцовые тучи. «Кажись вовремя, - подумал я и плюхнулся под пологом мохнатой ели. - Ух-ты, ух-ты, как полил!» Прошло около часа, и дождь немного успокоился. Я сидел, съёжившись, и дремал. Стволы деревьев окутались лёгким туманом, и от земли также парило. Вдруг слышались глухие вздохи, и передо мной начали высвечиваться какие-то размытые контуры человеческих фигур. Я обомлел и напрягся. Жёлто-зелёное свечение чередовалось небольшими вспышками. Затаив дыхание, пытался встать, но не было даже сил пошевелиться.

«Господи! Что это?» - вслух выдавил я из себя и закрыл глаза. И тут внезапная боль в голове заставила снова смотреть. Передо мной стояли семеро бородачей в конусовидных шапках, накидках до колен и с копьями в руках. Они бормотали какие-то короткие слова, топая ногами.

Странно, с небес лил дождь, а они не выглядели промокшими. В какой-то момент бородачи наставили на меня свои копья. Я хотел кричать, но не мог даже рот открыть. Безжалостные существа поочерёдно тыкали меня в грудь остриями копий, отчего я ощущал боль. На какое-то мгновение мысленно я уже простился с жизнью и полностью подавленный беспомощностью смирился со своей участью. До сих пор не могу понять, как я догадался вспомнить про идола-статуэтку. Ведь именно когда представил в мыслях лик идола чуди, ужасный кошмар закончился. Случайно или неслучайно, но своим спасением обязан именно древней святыне. Существа исчезли, и только семь точек на груди остались на всю оставшуюся жизнь метками - напоминанием о бессмертной чуди. А кстати, фотографию лика идола в деревянной рамке бережно храню дома.

Латьюжская гора

Рядом с деревней Латьюга, а это в ста верстах по реке Мезень от села Чернутьево, высится гора, покрытая лесом. Надо сказать, что ниже начинается территория нынешней Архангельской области (Лешуконский район).

В списках населённых мест Архангельской губернии в 1858 году помечено: «В Архангельском уезде, по правую сторону Северной Двины, русские живут в смешении с чудью в следующих деревнях: Боровской, Емельяновской, Степановской, Савинской, Щиновецкой, Филимоновской и так далее, всего 20 деревень. В Холмогльском уезде на реке Двине, Бояр-Курье и Куроострове в 21 деревне и двух сёлах. По реке / - 9 деревень. По реке Вамже и у озера Кульменя – в трёх деревнях. По списку священников местных приходоа чудь жила отдельно деревнями – в восьми деревнях». И действительно, к этому времени чудь постепенно переместилась по Мезени вниз. Последним их пристанищем и как раз являлась деревня Латьюга, то есть Латьюжская гора.

В древности здешние обитатели – чуди, занимались не только традиционными промыслами, а в большей степени коневодством. Рассказывают, что якобы и поныне сохранённая мезенская порода лошадей была выведена ими. Низкорослые чёрной и тёмно-бурой масти с длинной шёрсткой лошади спокойно переносили и суровые зимы, и летнюю жару, отличались выносливостью и силой. Причём, и в настоящее время сохранилась эта порода в низовьях Мезени (Мезенский район). Заливные луга, сенокосные подсеки, ягелевые сосновые боры позволяли успешно разводить домашних животных в подобных условиях. Даже князя Владимирский и Новгородский посылали своих подданных закупать чудских лошадей. Кроме лошадей люди держали и коз. А из козьего молока варили сбитую творожную массу подобно брынзе. Примечательно, что помимо варки и жарки, мясо и рыбу запекали в горячей золе и

коптили, тем самым готовый продукт сохраняли довольно длительное время. Свежий ягель, а точнее, верхушечные части мха в качестве белковой пищи употребляли в сыром виде. И всё-таки традиционной пищей являлась строганина из мороженого оленьего мяса, сёмги, нельмы, сига... А топлёный внутренний жир животных служил в качестве горючего для самодельных ламп и фонарей, а ещё им смазывали швы на одежде и обуви, предохраняли от обморожения во время холодов открытые части тела и использовали как средство растирания от переохлаждения. Рыбий жир употреблялся как ценнейший продукт питания и профилактическое средство от различных заболеваний. Кроме того, из рыбьей чешуи варили клейстер для хозяйственно-бытовых нужд. Надо сказать, что из сушёных водорослей и измельчённой коры лиственницы готовили красящие вещества с добавлением сажи и смоловых добавок. И вообще, в каждой общине была своя кузница и смолокурня. Отличались чуди и высокой культурой земледелия, и уровнем селекции культур. По тем временам они считались одной из наиболее развитых северных народностей. Причём князья и старейшины общин обязательно обладали магическими способностями. В эти тайны строго посвящались только избранные наследники. И, наконец, отсутствовало всякое смешение с другими народностями. Судя по родовым знакам, не исключено, что ещё имели и свою письменность. Кстати, до настоящего времени сохранились даже некоторые элементы орнамента, в том числе симметрия строгих геометрических знаков (равносторонние треугольники, параллельные и перпендикулярные формы, конусы и пирамиды).

Но моя исповедь была бы не полной, если не открыть ещё одну тайну. Итак, недалеко от Латьюжской горы вниз по Мезени, на правом берегу выпадает старица, куда в свою очередь впадает небольшой ручей. Буквально в двухстах метрах от реки находится святая обитель монаха-отшельника Оникея. Исконная келья, рубленая самим монахом, простояла более двух веков, но в 30-е годы прошлого века по решению губернского наркома была сожжена. Однако, в недалёком прошлом жители села Большая Пысса по сохранившимся рисункам построили на том же месте новую. И в настоящее время толпы паломников со всех уголков страны посещают это святое место.

Но вернёмся в прошлое. Никто не знал, каким образом и откуда монах очутился в этом диком краю. Ясно лишь одно, что отшельник посвятил себя Христу и, воздавая Ему свою любовь, взамен обретал благодать и милость. В то время на Латьюжской горе уже были обитатели - община чуди. Вначале они неодобрительно восприняли нового соседа, который являлся чужаком по причине другой веры, но миролюбивая и тихая жизнь монаха ничуть не нарушала спокойствие чуди. Шли годы. Разумные чуди активно занимались торговлей с русскими соседями, поэтому несомненно купцов привлекал этот богатый северный край.

Монах Оникей часто замечал зимой, как чуди на реке встречали вереницу гружёных подвод. Один раз к нему пришли чуди и попросили придти в гости для делового общения с приезжими купцами. Оникей согласился. Два русских оказались также православными христианами, и монаху было легко убедить их в честности чуди при налаживании торговых отношений. Взамен купцы отблагодарили монаха и в качестве дара уговорили принять топор, котелок и серебряную чашу. Впоследствии Оникей часто молился за здоровье бескорыстных мирян, а те в свою очередь каждый год посещали келью, прося благословение.

Постепенно коми-зыряне расселялись по всей реке, причём, мелкие починки объединялись, образуя селения из пяти и более дворов. Деревня Латьюга также пополнилась тремя дворами, хотя половину жителей составляли яраны (оленеводы). Однажды у старейшины тяжело заболел старший сын. Местные знахари, как ни старались избавиться от хвори, были бессильны. Тогда старейшина с поклоном о помощи явился к монаху Оникею. И монах к удивлению всех исцелил больного, за семь дней поставил на ноги. С тех пор коми-зыряне уважливо и радушно относились к целителю-отшельнику и помогали ему хлебом-солью, а монах до глубокой старости каждому страждущему раздавал освящённую воду из источника и исцелял людей купанием и молитвами. В округе все знали не только о подобных чудесах исцеления, но и о силе заговора супротив злых чужаков, а также вредных земных тварей. Скажем, было время, когда гружёные товарами купеческие карбасы, поднимаясь вверх по реке Мезень, едва доходили до старицы, как из трюмов чудесным образом всякие грызуны и вредные насекомые сами выползали в воду. Видимо, поэтому до сих пор на Удоре нет крыс.

Да и чуди не оставались в стороне. Во время своих ритуалов у воды они не раз воздавали дань уважения и признательности к святому старцу. Нередко приглашали Оникея к себе на праздники, ходили сами к нему с дарами. Причём, чуди охраняли и реку, и леса от захвата сторонних чужаков, выставя дозоры на границе не только своих угодий, но и коми, с которыми на протяжении многих веков мирно жили бок о бок. Сохранилось предание, когда однажды летом случился пожар в Латьюге, тогда, спасая всем миром и благодаря помощи чуди, деревня сохранилась. Недаром о чуди и поныне помнят на Удоре ибо в этом есть не просто некое таинственное и загадочное, но, пожалуй, главное, историческая действительность, обрамлённая легендами и мифами. Быть может в этом тоже своя истина? Несомненно! Иной раз я думаю о том, что мы, современники настоящего, в большей степени невежественны и неблагодарны по отношению к прошлому. И всё-таки, время не только стирает память, оно ещё и заставляет нас помнить о наших далёких предках. Так и хочется воскликнуть: «Чуди! Где вы?»

Последний раз на Удоре я побывал два года назад и именно на Латьюжской горе отыскал место, где когда-то временно размещалась наша геологическая база. Заросшая березняком

полянка, высохший родник и вот она, та могучая шатровая ель, на стволе которой я оставил свои инициалы. Нашёл, нашёл! Затянутые и залитые серо-бурой смолой они напоминали мне мои самые прекрасные, незабываемые годы, овеянные не только приключениями, но и смыслом жизни. Я обнял комлевую часть ствола дерева да так крепко, что даже поцарапанные щёки от шершавой коры не чувствовали боли. И только горячие слёзы обжигали морщинистое лицо от счастья. Да, я зарыдал... Я рыдал без стыда и не от боли, и обид... Какая-то нахлынувшая огромная радость охватила меня да так, что душу выворачивала на изнанку. Вроде- бы всё было понятно, но поделиться с таким невообразимым чувством ни с кем не хотелось да и поделиться-то не с кем было.

Возможно, я и выглядел со стороны беспомощным и жалким, но, поверьте, самым счастливым на свете! Какое всё-таки блаженство найти себя и осознать. Господи!

А собственно, что мы знаем о народности чуди? Мифы, легенды, исторические справки и очерки, но ведь душа человеческая необъятна. Скорее, добрая память о наших предках это и есть вечное, земное.

Часть III. Археологические памятники древности на территории Удорского района Республики Коми (по состоянию на 2001 г.)

Перечень учётных поселений, стоянок, местонахождений и могильников на территории Удорского района

1. **Поселение Кувжим** находится на правом берегу Мезени, выше устья р. Елва, по правую сторону от ручья Кувжим, ниже его. В результате археологических работ выявлен культурный слой, содержащий многочисленные фрагменты керамики, кремневые скребки на массивных отщепках, пережжённые кости, куски железного шлака, следы очагов. Памятник относится к ванвиздинской культуре.

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С. Отчёт 1973.

2. **Поселение Нимейчой I** расположено на левом берегу Мезени, в устье р. Елвы в районе Елвинской рыббазы, в урочище Нимейчой. При разведочных работах извлечено большое количество фрагментов сосудов, отходов кремневой мастерской (отщепов, осколков и чешуек), обломки глиняных льячек, расчищен очаг. Памятник относится к финальной поре лебяжской культуры бронзового века или самому началу железного века, т.е. VIII в. до н.э.

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

3. **Поселение Нимейчой II** расположено на левом берегу Мезени, севернее поселения Нимейчой I, недалеко от бровки террасы. Здесь выявлено два жилищных котлована округлой формы с кольцевыми валами. При разведочных раскопках извлечён керамический и кремневый материал (орудия, отходы). Памятник относится к эпохе бронзы (II тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

4. **Поселение Нимейчой III** находится в 130 м северней поселения Нимейчой II. Обнаружена одна жилищная впадина овальной формы. При разведочных работах извлечены кремневые отщепы, обломок наконечника стрелы и черепки сосудов. Памятник относится к эпохе бронзы (II тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

5. Поселение Нимейчой IV занимает самый южный участок террасы в месте слияний Елвы и Мезени, в 200 м южнее поселения Нимейчой I. Площадь памятника определена приблизительно в 8000 кв.м. На поверхности найдено большое количество отходов кремневой мастерской (отщепы, осколки и чешуйки), зафиксированы каменные очажные вымостки. Памятник датируется в широких пределах бронзового и железного веков (I тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

6. Поселение Нимейчой V расположено на левом берегу Мезени, в окрестностях Елвинской рыббазы, в урочище Нимейчой, недалеко от Елвы и от бровки террасы. Разведочными работами выявлены обломки глиняных сосудов и кремневые отщепы, расчищен очаг. Датируется эпохой раннего железа (I тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

7. Стоянка Елва открыта на левом берегу Мезени, ниже устья Елвы и рыббазы. На площади стоянки выявлены культурные остатки: нескольких фрагментов сосуда, кремневые скребки, обломок наконечника стрелы и дротика. Памятник, по всей вероятности, относится к бронзовому веку. На памятнике необходимы дополнительные работы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

8. Поселение Руччой расположено на левом берегу Мезени, выше деревни Зерзяиб, в местности Руччой. Площадь поселения равняется не менее 2400 кв.м. В результате разведок и раскопок выявлен культурный слой, содержащий многочисленные кремневые отщепы, осколки, кремневые орудия (скребки, наконечники стрел и дротиков, свёрла), заготовки орудий, абразивы, обломки тигля, кусочки бронзы, перегорелые кости. Расчищен очаг. Поселение датируется раннеананьинским временем.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

9. Зерзяибское местонахождение обнаружено на левом берегу Мезени, выше деревни Зерзяиб, по обе стороны безымянного ручья. Найдено около 50 мелких кремневых отщепов, лежавших на поверхности и в осыпи берега.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

10. Стоянка Макариб находится на левом берегу Мезени, выше деревни Макариб, у кладбища, на склоне 6-метровой террасы. На поверхности найдены кремневые предметы (отщепы,

скребок, две заготовки орудий), мелкие тонкостенные фрагменты керамики. Материал стоянки можно отнести не ранее, чем к бронзовому веку.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

11. Стоянка Мозындор открыта на левом берегу Мезени, ниже по течению от деревни Макариб, недалеко от края террасы. На поверхности обнаружены кремневые отщепы и осколки, скребки, наконечники стрел, режущее орудие и обломок массивного рубящего орудия. Материал относится к эпохе бронзы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

12. Стоянка Буткан. Находится на левом берегу Мезени, западнее деревни Буткан, на восточном берегу проточного старичного оз. Буткан ты. Разведки и раскопки выявили культурный слой, содержащий большое число кремневых отщепов, кремневые скребки, обломки наконечников стрел и их заготовки, проколки, отбойник, кремневый топор со сбитым лезвием. Керамика представлена единственным черенком без орнамента. Памятник датируется временем не ранее бронзового века.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

13. Бутканское местонахождение ниже стоянки Буткан, на той же террасе, на участке лесной дороги, идущей в с. Кослан, в районе безымянного ручья, на поверхности найдены два кремневых скребка и отщепы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

14. Поселение Усогорск I расположено на левом берегу Мезени, на территории лесосклада п. Усогорск. культурные остатки (керамика и кремневые предметы) собраны на поверхности и в разведочных шурфах. Выявлена одна жилищная впадина. Памятник относится к эпохе ранней бронзы (II тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

15. Стоянка Усогорск II находится на левом берегу Мезени, западнее поселения Усогорск I. Разведочными работами выявлены культурные остатки, состоящие исключительно из фрагментов толстостенной керамики, относящейся по всем признакам к эпохе неолита (III тысячелетие до н.э.). на территории памятника необходимы дополнительные разведочные работы.

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

16. Поселение Усогорск III расположено на левом берегу Мезени, на территории лесосклада п. Усогорск, западнее стоянки Усогорск II. На поверхности и в разведочном шурфе собраны обломки сосудов, кремневые отщепы и металлургические шлаки. Поселение относится к ванвиздинскому времени (I тысячелетие н.э.).

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., Королёв К.С., 1975;

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

17. Стоянка Усогорск IV открыта на левом берегу Мезени, на территории лесосклада пос. Усогорск, западнее поселения Усогорск III. Собрано около сотни фрагментов от толстостенных сосудов, украшенных ямочно-зубчатым орнаментом. Стоянка датируется эпохой неолита (III тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

18. Поселение Ус I расположено на правом берегу р. Ус (левого притока Мезени), у водозаборной станции пос. Усогорск. Культурный слой поселения сохранился лишь частично, на поверхности и в расчистках собраны фрагменты глиняных сосудов и кремневые предметы. Найдены предметы металлургического производства – литейные шлаки, очажные камни. Вещественный комплекс поселения датируется временем ананьинской культуры – VIII-III вв. до н.э.

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

19. Стоянка Ус II находится на правом берегу р. Ус у водозаборной станции пос. Усогорск, недалеко от поселения Ус I, между двумя глубокими траншеями, прорытыми для проезда к насосной станции. На поверхности собраны обломки глиняных сосудов, кремневые отщепы и ножевидные пластинки. Место стоянки было обитаемо дважды в эпоху неолита (III тысячелетие до н.э.) и в гляденовское время (II в. до н.э. – III в. н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

20. Стоянка Ус III находится на правом берегу р. Ус, у водозаборной станции пос. Усогорск, у края террасы, на которой расположены предыдущие памятники Ус I и Ус II. В отвалах канав собраны фрагменты сосудов, отщепы кремня. Памятник нуждается в дополнительных разведочных работах. По облику керамики стоянку можно отнести к ананьинскому времени (VIII – III вв. до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёт 1974.

21. Стоянка Сынзель открыта на правом берегу Мезени, выше южной оконечности курьи, у болота, выше дер. Разгорт. В результате разведки обнаружены три жилищные впадины с культурными остатками (кремневые отщепы, массивный скребок и абразивная плитка). Датировка стоянки не установлена.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

22. Сынзельское местонахождение. К северу (ниже по течению) от стоянки Сынзель, на лесной дороге найдены три ножевидные пластинки и один скребок на пластине.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

23. Местонахождение Шешты обнаружено на правом берегу Мезени, ниже дер. Разгорт, недалеко от устья старичного озера, у самой воды, на сыром заливаемом месте. На поверхности собраны фрагменты ванвиздинской керамики.

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С. Отчёт 1973.

24. Стоянка Пежью открыта на правом берегу Мезени, у бровки террасы – левого берега ручья Пежью, в его приустьевой части (между деревнями Разгорт и Вылиб). В результате разведочных работ выявлены культурные остатки: кремневые отщепы и осколки, кремневые орудия (скребок, режущее орудие) и два фрагмента керамики. Находки датируются временем ранней бронзы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

25. Нижне-Вылибская стоянка находится на левом берегу старицы р. Мезень, в окрестностях дер. Нижний Вылиб, на надпойменной боровой террасе. Подъёмный материал составляют два кремневых изделия с ретушью по краю, ножевидные пластины, отщепы и осколки. Стоянка может быть датирована эпохой неолита или ранней бронзы.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

26. Местонахождение Присадты. На правом берегу Мезени, выше дер. Елькиб, у края восточного берега оз. Присадты, на поверхности найдены 9 отщепов кремня.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

27. Местонахождение Елькиб. На правом берегу Мезени, выше дер. Елькиб, на лесной дороге, идущей вдоль восточного берега озера, найдены три ножевидные пластины из кремня и один скребок на отщепе.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

28. Стоянка Елькиб находится на левом берегу Мезени, к востоку от дер. Елькиб, на надпойменной боровой террасе. Собран подъёмный материал, состоящий из двух скребков, трёх отщепов с ретушью, сломанной ножевидной пластины и отходов кремневого производства. Ввиду незначительности материала дату стоянки определить невозможно.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

29. Стоянка Изба находится на правом берегу Мезени, ниже по течению от дер. Елькиб, на террасе коренного берега, отдельного от русла Мезени шириной (до 2 км) поймой. Обнаружен жилищный котлован с культурными остатками (кремневые отщепы и осколки, обломок незаконченного наконечника стрелы, скребок). Стоянка, состоящая, по-видимому, из единственного жилища, относится ко времени не ранее эпохи бронзы. На стоянке необходимы дальнейшие работы.

Стоколос В.С. Отчёт 1973.

30. Поселение Чужьяэль находится на левом берегу Мезени, выше дер. Чернутьево, у ручья Чужьяэль, недалеко от бровки террасы. Поселение обнаружено по хорошо видимым пяти жилищным впадинам. Раскопки дали богатый вещественный материал, состоящий из сотен фрагментов сосудов, небольшого количества отходов кремневой мастерской, кремневых орудий – наконечников стрел, скребков, резчиков. Памятник датируется ранней порой бронзового века (III тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С., Мурыгин А.М., Королев К.С., 1975;

Стоколос В.С. Отчёты 1973., 1974

31. Чернутьевский могильник. Памятник находится на правом берегу Мезени, на боровом холме, расположенном восточнее с. Чернутьево. Здесь обнаружены 49 ям, расположенных рядами. При разведочных работах вскрыты четыре ямы. В заполнении ям встречены углестокольные прослойки; находок вещей нет. Могильник датируется ориентировочно XV в.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

32. Чернутаевское поселение расположено на правом берегу Мезени, на западной окраине с. Чернутаево, на склоне надпойменной боровой террасы. Стоянка почти полностью разрушена дорогой и хозяйственными постройками. В результате разведочных работ выявлен культурный слой, содержащий очажные камни, фрагменты керамики, обломки железных предметов, шлаки и мелкие кальцинированные кости. Памятник относится к ванвиздинской культуре (I тысячелетие н.э.).

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

33. Стоянка Чернутаево I расположена на западной окраине с. Чернутаево, на правом берегу Мезени, на 3-метровой террасе. Памятник имеет внешние признаки в виде двух котлованов. Разведочный шурф в одном из котлованов дал кремневые отщепы. Датировка памятника не установлена.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

34. Стоянка Чернутаево II расположена ниже по течению от крайних домов дер. Чернутаево, на той же боровой террасе, что и стоянка Чернутаево I. Зафиксирован жилищный котлован, в заложенном шурфе здесь найдены отщепы и осколки кремня. Датировка памятника не установлена.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

35. Поселение Кыстырю расположено на правом берегу Мезени, ниже дер. Чернутаево, у бровки 10-метровой террасы, уходящей в данном пункте в сторону реки. Обнаружены два жилищных котлована. Разведочные работы и раскопки выявили культурный слой, содержащий обломки глиняных сосудов с ямочно-зубчатой орнаментацией, кремневые концевые скребки, ножевидные пластины, ножи клювовидной формы. Поселение датируется неолитической эпохой (III тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С., Мурыгин А.М., Королев К.С., 1975;

Стоколос В.С. Отчёты 1973., 1974.

36. Поселение Ошчой I расположено на левом берегу Мезени, ниже дер. Чернутаево, в урочище Ошчой. Выявлены 16 жилищных впадин. Собрана керамика двух типов: пористая с зубчатым орнаментом (близка гаринско-борской) и обломки из плотной глины с примесью шамота и песка, орнамент зубчатый. Последняя керамика, видимо, более ранняя, чем первая, датируется временем энеолита.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

37. Поселение Ошчой II расположено на левом берегу Мезени, в урочище Ошчой. На территории поселения, частично совпадающей с предыдущим памятником, собрана керамика ванвиздинского облика с гребенчатой и шнуровой орнаментацией. Площадь памятника около 5000 кв.м.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

38. Поселение Ошчой III расположено на левом берегу Мезени в урочище Ошчой. Памятник расположен на удалении от бровки террасы, территориально примыкая с юга и юго-востока к поселению Ошчой I, внешних признаков не имеет. Инвентарь (керамика, кремневые скребки, наконечники), собранные на разрушенных участках почвы, относится к эпохе раннего железа. Посуда котловидная, из глины с примесью песка и кварца, орнамент зубчатый и шнуровой, имеет аналогии в пределах ананьинской культуры.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

39. Поселение Ошчой IV расположено на левом берегу Мезени, восточнее поселения Ошчой III. Выявлены два жилищных котлована. На поверхности собраны кремневые отщепы, наконечник стрелы с усечённым основанием. Памятник ориентировочно датирован бронзовым веком (II тысячелетие до н.э.).

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., Королев К.С., 1975; Стоколос В.С. Отчёты 1974.

40. Поселение Ошчой V расположено на левом берегу Мезени, южнее поселения Ошчой IV. Обнаружены семь жилищных котлованов овальной или прямоугольной формы, иногда с кольцевым валом и периметру. В разведочных шурфах собраны кремневые отщепы и фрагменты глиняных сосудов с зубчатым орнаментом. Памятник датируется ранним периодом бронзового века.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

41. Поселение Ошчой VI расположено на левом берегу Мезени, северо-восточнее поселения Ошчой V. При разведочной шурфовке собраны каменные топор и тесла, наконечник стрелы, осколки, отщепы кремня; керамики не было. Памятник относится, вероятно, к времени позднего неолита – энеолита.

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

42. Поселение Уип находится на левом берегу Мезени, выше устья р. Уип, впадающей в Мезень, на возвышенном участке 6-метровой террасы. Зафиксированы два жилищных котлована. В результате разведочных работ собраны кремневые отщепы и осколки, орудия (скребки, обломок наконечника стрелы), фрагмент керамики. Памятник относится к эпохе бронзы.

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С. Отчёты 1973.

43. Стоянка Мелентьево I расположено на правом берегу Мезени, выше по течению от д. Мелентьево, в 70-80 м от бровки 8-метровой террасы. Зафиксирован один жилищный котлован, в котором найдены кремневые орудия (скребок, обломок наконечника стрелы) и отходы кремневого производства. Установление возраста памятника требует дополнительных работ.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

44. Стоянка Мелентьево II находится на правом берегу Мезени, ниже по течению от д. Мелентьево. Обнаружена жилищная впадина с культурными остатками (кремневые отщепы и осколки, обломок скребка). Датировка памятника не ясна.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

45. Стоянка Мучкас расположена на левом берегу Мезени, в окрестностях дер. Мучкас, недалеко от реки, на надпойменной боровой террасе. Собран подъёмный материал: кремневые скребки, заготовки наконечников стрел, ножевидные пластинки, отходы кремневого производства. Наиболее вероятный возраст памятника - эпоха бронзы.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

46. Стоянка Малая Пысса расположена на правом берегу Мезени, ниже дер. Малая Пысса, на надпойменной боровой террасе. Подъёмный материал составляют кремневые скребки, ножевидное орудие, сломанный наконечник стрелы, отщепы и осколки кремня. Предположительно памятник относится к эпохе бронзы.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

47. Стоянка Бычимель расположена на левом берегу Мезени, ниже дер. Малая Пысса, вдоль бровки 4-метровой террасы, являющейся одновременно левым берегом ручья Бычимель. Культурные остатки состоят из кремневых отщепов и орудий (скребки, наконечники стрел), мелких фрагментов керамики. Вероятный возраст памятника эпоха ранней бронзы.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

48. Местонахождение Лекчойди I обнаружено на правом берегу Мезени, в районе о-ва Лекчойди, у кромки террасы. Здесь найдены кремневые отщепы и наконечник стрелы.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

49. Местонахождение Лекчойди II. Севернее местонахождения Лекчойди I, на месте старой вырубki найдены обломки заготовок кремневых орудий, отщепы и обломки кремня.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

50. Поселение Лекчойди I расположено на правом берегу Мезени, выше по течению от пос. Барма и одноименного притока мезени, напротив южной оконечности о-ва Лекчойди, у края террасы. В результате археологических работ на площади поселения выявлены многочисленные культурные остатки; сотни отщепов и осколков кремня, десятки кремневых орудий (скребки, наконечники стрел и дротиков, проколки) и их заготовок, обломки сосудов из глины, фрагменты толстостенного тигля. Расчищены очаги, один из них имел каменную вымостку. Памятник относится к эпохе финальной бронзы или к началу железного века.

Стоколос В.С., Мурыгин А.М., 1974; Стоколос В.С. Отчёты 1973.

51. Поселение Лекчойди II расположено на правом берегу Мезени, близ о. Лекчойди, к северо-востоку от одного из небольших озер, находящихся на значительном удалении от р. Мезень, в полосе дороги Барма - Малая Пысса. Разведочными работами выявлен культурный слой с вещественными остатками (обломки сосудов, кремневые отщепы, скребок). Памятник датируется временем ранней бронзы (первая половина II тысячелетия до н.э.).

Стоколос В.С. Отчёты 1974.

52. Стоянка Шогнес находится на левом берегу Мезени, на правой стороне ручья Шогнес, выше дер. Латъюги. На площади памятника выявлена разрушенная очажная вымостка из некрупных камней, найдены кремневые отщепы, осколки и орудия (скребки, наконечник дротика). Скребки типичны для времени развитой бронзы, наконечник дротика выглядит более ранним.

Стоколос В.С. Отчёты 1973.

53. Стоянка Вендинга находится у дер. Вендинга (правый берег Вашки), на правом берегу ручья Вень, на боровой террасе, примыкающей к обширному болоту. Собран подъемный материал из кремня и керамики, относящийся к двум разновременным комплексам – раннего бронзового века и раннего средневековья (ванвиздинская культура).

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

54. Шиляевское местонахождение кремневых предметов. У дер. Шиляево, на правом берегу ручья Ертом (левый приток р. Вашка), на высокой II надпойменной террасе, у скотного двора найдены 5 отщепов и кремневый скребок. Ввиду незначительного количества материала возраст стоянки определить затруднено.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

55. Стоянка Вильвидзская находится напротив дер. Вильвидзь, на правом берегу р. Вашка, в бору, недалеко от устья речки Содзима. В результате археологических работ собран подъемный материал – кремневые скребки и расколотый кремь, несколько фрагментов керамики. Предположительно датируется позднебронзовым веком.

Савельева Э.А. Отчёт 1965.

56. Вильгортский могильник находится на правом берегу Вашки, на II надпойменной террасе, близ крайних домов дер. Вильгорт. Всего насчитываются 62 могилы, вскрыты 9 погребений. Погребальный инвентарь составляют обломки железных предметов, предметы украшения (подвески, бусы, пронизки, кольца). В могилах выявлены остатки горелых срубов и кальцинированные кости. Могильник абсолютно аналогичен могильникам Перми Вычегодской в бассейне Выми. Памятник датируется XII – XIV вв.н.э.

Савельева Э.А., 1971; Савельева Э.А. Отчёт 1965.

Краткое описание археологических памятников ванвиздинской культуры

На Мезени исследовано 21 археологических памятника эпохи раннего средневековья. Они сосредоточены преимущественно в восточной части бассейна, выше устья реки Вашка (Удорский район) в четырёх местах: кужимском (3 поселения), лоптюжском (5 поселений), усогорском (4 поселения), ойчошском (6 поселений и местонахождений). Между усогорским и ойчошским участками обнаружено только одно местонахождение (Шешты). Найденные на реке Вашка два памятника (поселение Смолокурный – I и местонахождение Вендинга) расположены на значительном расстоянии друг от друга, но в достаточной близости к основной группе памятников. Кроме того, обнаружены стоянки людей более позднего периода на участках реки Мезень от деревни Мелентьево до деревни Патраково, на реке Ирва в местечках Кӧдза-Яг, Чурты, Кос-ты, Тшупта-ты, которые требуют археологического подтверждения.

I. Памятники ниже устья реки Кужим расположены в 1-2 км и в 4-х км выше устья левого притока реки Мезень – реки Ёлва Мезенская, у края правобережной 8-12 метровой бортовой террасы реки Мезень.

Поселение Кужим – I

Памятник открыт в 1973 году (В.С. Стоколос, А.М. Мурыгин, 1974 г.; А.М. Мурыгин, 1977 г.). Площадь поселения примерно равна 3 000 кв.м. Все находки (обломки керамики, шлаки, кремневые изделия) замечали преимущественно в слое смешанного белесого и жёлтого песка на глубине 5-10 см.

Поселение Кужим – II

Памятник был открыт в 1978 году (В.С. Стоколос, А.М. Мурыгин, 1979-1980 г.г.). Исследован на площади около 235 кв.м. В результате раскопа обнаружены сооружения, где семь очагов (кострища), три хозяйственные ямы и площадка из глины. Под мхом и до 14 см от поверхности в подзоле найденный вещевой инвентарь имеет следующие находки:

✓ Фрагменты орнаментированной керамики принадлежат не менее 211 сосудам; Узоры, в основном, представляют гребенчатые наклонные оттиски зубчатого штампа, а также пальцевые вдавления;

✓ В числе изделий из металла входят два предмета: бронзовое изображение медведя (плоское литьё) и железный нож (длина 11,5 см, черешка – 3,5 см) с уступчиком к черенку со стороны как спинки, так и лезвия;

✓ Каменные орудия труда: кремнёвые скребки, отбойники из гальки и обломки абразивных инструментов, т.е. точильных и шлифовальных брусков.

Поселение Кужим – III

Памятник открыт в 1995 году (А.М. Мурыгин, 1988 г. и 1996г.) на площади 70 кв.м.

Находки залегали в верхней части подзола до глубины 4-8 см. Это многочисленные фрагменты глиняной посуды, шлаки, ошлакованная и обожжённая глина, немногочисленные каменные орудия труда (отбойники из гальки и кремневые скребки), отходы кремнеобработки (обломки, отщепы кремня); общее число вещевого инвентаря распределяется примерно поровну между находками в очаге и вне его (554 ед. х 587 ед.). Из металлических изделий – небольшой (длина – 11,2 см) однолезвийный нож из железа и небольшая бронзовая пластинка. На памятнике расчищены три сооружения:

✓ Каменная вымостка выложенная из очажных камней (210x80 см);

✓ Глиняная вымостка округлой формы (78x60 см);

✓ Крупный очаг (360x220 см, мощность зольно-углистого слоя до 34 см).

II. На 5-8 боровой террасе, соединяющей приустьевые участки левобережных притоков реки Мезень, рек Большая и Малая Лоптюга, в 1988 году было открыто три ванвиздинских поселения – Мича Чой II – IV (А.М. Мурыгин, 1989 г.). Они располагались у края террасы, обращённой к пойме реки Малая Лоптюга, на удалении 0,5-1,0 км к востоку от берега реки Мезень.

Поселение Мича-Чой – II

Обнаружено на 0,5 км восточнее берега реки Мезень. На поверхности белесого подзола собран подъёмный материал (А.М. Мурыгин, 1989 г.). В его состав входят фрагменты керамики, куски ошлакованной глины, кремневые отщепы и обломки. По фрагментам шеек выделено не менее 4-х ванвиздинских сосудов, стенки с орнаментом.

Поселение Мича-Чой – III

Расположено на расстоянии около 180 м юго-западнее поселения Поселение Мича-Чой – II (А.М. Мурыгин, 1989 г.). Памятник был исследован на площади 312 кв.м.

Материковый слой представлен жёлтым песком. Вещевой инвентарь залегал непосредственно под растительным слоем в подзоле до глубины 10-18 см от поверхности почвы. Находки состояли из фрагментов керамики и глиняных рюмкообразных тиглей, кремневые скребки и скрёбла, отходы кремневого производства, каменные отбойники, куски шлаков и ошлакованной глины, железный нож, мелкие неопределимые фрагменты от железных и бронзовых изделий, множество сырых и кальцинированных костей животных. На исследованной площади памятника выявлены остатки семи наземных очагов, одна хозяйственная яма и две каменные вымостки у одного очага, пять столбовых ямок. Обнаружены две группы сосудов, одна из которых имеет узоры с орнаментом ванвиздинской культуры.

III. Памятники расположены на левобережной семи метровой боровой трассе р. Большая Лоптюга (левый приток р. Мезень) на расстоянии около 1,0 – 1,5 км ниже её правого притока – р. Ядмас.

Поселение Ядмас – I

Поселение было открыто в 1987 году, исследовано в 1990 году (А.М. Мурыгин, 1991 г.) на площади около 217 кв.м.

На площади раскопа выявлены остатки восьми очагов и столбовых ямок, скопление камней. Культурный слой поселения содержал разнообразные остатки хозяйственной деятельности. Большинство из них – в очагах.

Среди них такие вещи как отбойник из гальки, 32 кремневых орудий разного размера, железное шило, обломок лезвия железного ножа, обломки двух глиняных пряслиц и т.д. Но наиболее интересными находками являются три грубо вылепленные из глины антропоморфные

фигурки (в обломках) с намеченными чертами лица и конечностями. Абсолютное большинство сосудов (163 экземпляра) принадлежит второй половине I тыс. н.э., а это означает, что керамика документирует три этапа функционирования поселения: эпоху бронзы, ранний железный век (гляденовская культура), ранее средневековье. В целом по хронологии керамического комплекса можно отнести время существования памятника во времена VI – VII вв. н.э.

Поселение Ядмас – II

Памятник открыт в 1987 году (А.М. Мурыгин, 1988 г.). Расположен в 250 м юго-восточнее поселения Ядмас – I.

В шурфе (2 x 4 м) заложенном в 40 м от края террасы, была вскрыта зольно-углистая линза очага максимальной мощностью 34 см. Находки представлены фрагментами керамики, мелкими кальцинированными косточками животных, отщепами и осколками кремня, кремневыми скребками, свыше сотни обломков шлаков и ошлакованной глины. Обнаружены также три железных обломка и бронзовая цепочка из 25 проволочных звеньев. Определено 19 сосудов с орнаментом, причём типичны чашевидные сосуды.

Поселение Чойнöv-ты – V

Поселение расположено вблизи северной оконечности озера-старицы Чойнöv-ты (левый берег р. Мезень) и в 5 км восточнее пос. Усогорск на расстоянии около 25 м от края невысокой (3,0 – 3,5 м) террасы левого берега озера. Памятник был открыт в 1976 г. (В.С. Стоколос, 1977 г.), исследован раскопом площадью 120 кв.м в 1977 г. (А.М. Мурыгин, 1978 г.).

На месте раскопа обнаружены два очага. Коллекция вещей включает сотни фрагментов керамики, обломки глиняного пряслица, сопла и железного ножа, шлаки, кремневые скребки, кремневые отщепы и осколки, отбойник из гальки, мелкие кальцинированные кости животных. К керамике относятся не менее 32 сосудов, из них 69,5% составляют сосуды с ямочной и ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией.

Поселение Усогорск – III

Находится на северной окраине пос. Усогорск, на краю пониженного участка левобережной террасы старицы р. Мезень. Поселение открыто в 1974 году (А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, К.С. Королёв, 1975 г.), исследовано в 1977-1979 годах.

Вещевой инвентарь ванвиздинской культуры обнаружен в раскопах II – IV (площадь около 632 кв.м). На исследованной площади выявлены остатки восьми очагов, одной ямы, нескольких столбовых ямок. В пределах поселения необходимо выделить три комплекса, представляющих собой три различных самостоятельных места обитания (А, Б, В):

1) Комплекс Усогорск – III/A – включает очаг, глиняную посуду (не менее 26 сосудов), бронзовое изображение хищной птицы, орудия труда (7 кремневых скребков), металлургические шлаки, кальцинированные косточки животных.

2) Комплекс Усогорск – III/B – включал 4 очага и одну яму. Вещевой инвентарь представлен глиняной посудой (не менее 50 сосудов), металлическими изделиями (железное шило, четырёхгранное и обломок бронзовых ювелирных щипчиков), орудиями труда (обломки шлифовального бруска, 20 кремневых скребков, кварцитовый отбойник), металлургическими шлаками, глиняной обмазкой и кальцинированными косточками животных.

3) Комплекс Усогорск – III/V – включал 3 очага, скопление обожжённой глины, глиняную посуду (не менее 40 сосудов), металлическое изделие (бронзовая поясная накладка Ж-образной формы со шпеньками на тыльной стороне для крепления к ремню), орудия труда (кремневые скребки – 17 штук, отбойники из кварцитовой гальки – 3 штуки), фрагменты основания рюмкообразного тигля относятся также к орудиям труда бронзолитейного производства, что подтверждается ещё и остатками шлаков и кальцинированные косточки животных.

* * *

Исходя из специфики почвенных отложений на поселении можно заключить, что люди заселяли этот участок террасы по мере снижения уровня воды и высыхания её поверхности. Сначала было обжито место, занятое комплексом «А», а затем ближние к краю берега участки, соответствующие к комплексам «Б» и «В».

Местонахождение Шеш-ты

Расположена на правом берегу Мезени, в 2-х км ниже д. Разгорт и в 100 м от устья старичного озера (А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, 1974 г. и А.М. Мурыгин, 1977 г.). на площади около 8 кв. м в основании 6-ти метровой террасы собраны фрагменты керамики не менее чем от 2-х ванвиздинских сосудов. Венчик каждого сосуда украшен оттисками зубчатого штампа, расположенного ёлочкой.

Памятники в урочище Ёшчой находятся в 12 км ниже д. Чернутьево на 5-ти метровой песчаной террасе левого берега р. Мезень (А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, К.С. Королёв, 1975 г. и А.М. Мурыгин, 1977 г.). На площади урочища открыто большое количество разновременных археологических памятников, среди которых выделено 7 пунктов с материалом второй половины I тыс. н.э.

Поселение Ёшчой – I (жил. 5)

В жилище эпохи бронзы (раскоп – 84 кв. м) выявлены материалы раннего средневековья (В.С. Стоколос, 1976 г. и 1986 г.). Вещевой инвентарь ванвиздинской культуры был найден в верхнем горизонте северной части раскопа, в линзах двух кострищ. Заполнением кострищ служил

буро-коричневый плотный песок, обожжённые камни, косточки животных, кремневые отщепы и осколки, фрагменты керамики (не менее 28 сосудов), глиняного тигля и льячки, шлаки, обломки железа и железный нож, бронзовое шило.

Поселение Ёшчой – I (пункт 14/12 - жил. 12)

В 160 м к северо-востоку от пункта 6/4 и в 60 м от края террасы обнаружена жилищная впадина овальной формы, размерами 4,6 х 8, глубиной 45 см – пункт 14/12. Материалы памятника разновременны – они относятся **к эпохе бронзы, раннего железа и раннего средневековья.**

В раскопе площадью 20 кв.м, которым в 1974 г. была исследована северо-западная половина жилищной впадины, собран смешанный и разновременный материал. В 1975 году были проведены заключительные раскопки этого памятника (В.С. Стоколос, 1976 г.). Связь вещевого инвентаря с жилищем не устанавливается. Кроме раннесредневековой керамики найден крупный кусок металлургического шлака. Керамика второй половины I тыс. н.э. представлена фрагментами верхней части не менее чем от 21 сосуда с элементами орнамента. В целом, для памятника характерно большое количество чаш с непрофилированным краем и чашевидных сосудов с сильно суженным устьем, оформление наружной части венчика в виде бортика.

Местонахождение Ёшчой – I (жил.4)

В заполнении восточной половины жилища эпохи бронзы (В.С. Стоколос, 1976 г.), исследованного раскопом площадью 112,5 кв. м, на глубине 26 см от дневной поверхности в слое светло-жёлтого песка был найден черешковый однолезвийный железный нож (длиной 12,8 см).

Местонахождение Ёшчой – I (пункт 6/4)

Найдено в 1974 году. Расположено в 15 см от края террасы в выемке площадью около 4,5 кв.м, образованной корнями упавшей сосны. Находки залегали в светлом и жёлтом песке. Здесь собраны фрагменты керамики от одного ванвиздинского сосуда.

Местонахождение Ёшчой – I (пункт «А»)

На разрушенном участке поверхности террасы в 1976 г. собраны фрагменты керамики и кремневые осколки, отщепы. Фрагменты керамики принадлежали не менее чем пяти ванвиздинским сосудам.

Местонахождение Ёшчой – I (пункт 12)

Было открыто в 1976 г. (В.С. Стоколос, 1986 г.). Исследован раскоп площадью 151 кв. м, заложенным у самого края террасы. В нём зафиксированы культурные остатки **эпохи бронзы, раннего железного века, раннего и позднего средневековья** (В.С. Стоколос, 1986 г.).

На исследованной площади средневекового поселения выявлены два наземных очага, скопление отходов хозяйственной деятельности, вещевой инвентарь и керамика, датирующиеся X – XI вв. н.э., а также немногочисленные фрагменты ванвиздинской керамики лишь от одного

сосуда, хотя рядом с раскопом были обнаружены ещё 16 подобных сосудов, а также изделие в виде змейки из глины, обломок от глиняного рюмкообразного бронзолитейного тигля.

В 1976 г. и 1981-1982 г.г. в долине р. Вашка (левый приток р. Мезень) от устья до её правобережного притока – р. Лоптюга были обнаружены (А.М. Мурыгин, 1977 г., 1983 г., 1984 г.) археологические памятники эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья. Поздние материалы очень немногочисленны и представлены только двумя памятниками – поселением Смолокурный – I и местонахождением Вендинга.

Поселение Смолокурный – I

Расположено ниже устья р. Содзим, на краю 10-12 метровой правобережной боровой террасы р. Вашка. Исследовано на площади около 91 кв.м.

На площади раскопа под тонким растительным покровом мха расчищены две зольно-углистые линзы кострищ. Обнаруженный вещевой инвентарь ванвиздинской культуры (фрагменты керамики от 19 сосудов, обломки бронзовой и серебряной пластинок, стеклянная бусина, брусок песчаника, кости животных, кремневые отщепы и осколки) однороден.

Местонахождение Вендинга

Расположено на прикраевом участке правобережной 6-ти метровой террасы р. Вашка, в месте её выхода на правый борт долины ручья Венью (Э.А. Савельева, 1966 г., А.М. Мурыгин, 1982 г.). По левую сторону ручья расположено с. Вендинга. Материал местонахождения относится к трём периодам – **ранней бронзы, раннему железному веку (ананьинская культура) и раннему средневековью (ванвиздинская культура)**. Причём, к ванвиздинской культуре имеют отношение именно фрагменты керамики от трёх разных сосудов с примесью дресвы в глине, на которых сохранились узоры в виде четырёх сплошных горизонтальных линий зубчатых оттисков; венчик также украшен наклонными оттисками зубчатого штампа.

Краткая характеристика памятников периода ванвиздинской культуры

Таким образом, основным типом археологических памятников раннего средневековья бассейна Мезени являются неукреплённые поселения и местонахождения, которые располагались на 5-8 м, реже 10-12 м, речных, а также на 3-4 м старичных террасах, на берегах как основной водной магистрали, так и её притоков. Вещевой инвентарь достаточно однообразен (керамика, кремль, шлаки, кости животных, каменные и металлические орудия труда, реже индивидуальные изделия). Городища и могильники отсутствуют. Определяющим фактором при выборе места поселения, видимо, являлись естественно-географическое положение участка территории и наличие богатых природных ресурсов, необходимых для оптимального жизнеобеспечения проживающих групп (племён) людей.

Если обозначить конкретнее, судя по составу вещевого инвентаря, основная повседневная жизнь была сосредоточена около крупных очагов: здесь варилась пища, изготавливалась глиняная посуда и обрабатывались шкуры животных, шла работа кремневыми скребками. Здесь же обрабатывали цветные металлы, возможно восстанавливали железо из болотных руд. О наличии железоделательного производства свидетельствуют находки тяжёлых ожелезненных шлаков и зерна железа на поселениях Кужим – II, Кужим – III, Мичачой – III, Ядмас – I, Чойнбв-ты – V, Ёшчой – I (жил. 5) и др.

На некоторых поселениях очаги, возможно, одновременно выполняли роль жертвенников, определяющихся по находкам рядом с ними предметов культового характера. К ним относятся: очаг – IV на поселении Кужим – II, рядом с которым обнаружена бронзовая фигурка медведя; очаг – I на поселении Усогорск – III /А, где найдена бронзовая хищная птица; очаг на поселении Ядмас – I, где были найдены обломки трёх однотипных глиняных стилизованных антропоморфных фигурок и трёхпалой лапы.

Судя по числу очагов, а также по площади, самыми крупными поселениями оказались Ядмас – I, Кужим – II и Мичачой – III.

Все вышеназванные памятники датируются в следующем порядке:

- ✓ Кужим, Ёшчой – I – V – VI вв. н.э.
- ✓ Смолокурный – I, Ядмас – I, Ядмас – II, Мичачой – III – VI – VIII вв. н.э.
- ✓ Мичачой – II, Шешты – VII вв. н.э.
- ✓ Усогорск – III (А, Б, В), Чойнбвты – V, Вендинга – VII–VIII вв.н.э.

В части касающейся фауны судя по качеству костей и особей на исследованных памятниках преобладали соответственно бобр, северный олень и лось. Среди них основное место занимали костные остатки бобра. Лишь поселение Усогорск – III характеризуется наличием только парнокопытных и отсутствием всех видов промысловых млекопитающих, известных на других памятниках.

Главным объектом охотничьего промысла на Мезени в ванвиздинское время являлись пушные звери (53,3% особей; бобр, белка, куньи, лисица) и дикие копытные (лось, олень; 42,2% особей), то есть охота скорее всего имела и пушное, и мясное направления. Причём, на поселении Кужим – II найдены кости крупного и мелкого рогатого скота (домашних копытных), что может служить основанием полагать, что люди уже имели навыки скотоводства в третьей четверти I тыс. н.э. Об этом же могут свидетельствовать и кости мелких парнокопытных (овца либо коза) на поселении Усогорск – III, найденные в очагах всех трёх комплексов (А, Б, В). Кроме того, на поселении Смолокурный – I найдены фрагменты бивня или зуба мамонта, а на поселении

Мичачой – III – уникальная поделка из рога шерстистого носорога. Однако, среди костей млекопитающих на Мезени не встречены остатки бурого медведя, выдры, волка, зайца.

Судя по обнаруженным местам древних стоянок людей в бассейне р. Ирва (приток р. Мезень), их, в целом, можно отнести к периоду XIII – XIV веков н.э., а также поселения более позднего периода (XV век) на участке оз. Чур-ты. Среди поселений каких-то особых отличий не наблюдается.

Основными предметами среди вещевого инвентаря и орудий труда также нет различий.

Характерными являются: глиняные сосуды из числа керамики четырёх видов орнаментов, в том числе чаши, а также деревянная посуда; отдельные предметы медной утвари; топоры, острога и крючья рыболовные, ножи, наконечники стрел и копий из железа; кремь (скребки, отбойники); изделия из камня и абразивные предметы (точильные).

Но, главное, на Кос-ты и местечке Кёдза-Яг найдены фрагменты скульптур идолов из дерева в форме статуэток, что не характерно было в то время коми-зырянам. Близость с р. Вымь подтверждает непосредственную причастность и участие вымских племён впоследствии во время их переселения на р. Мезень (верхняя часть). Жилища и хозяйственные постройки, в основном, были наземными, хотя присутствовали и полуземлянки. Среди иных предметов обнаружены: женская гребёнка и иглы из кости для пошива одежды из кожи, а также бусы из обработанного кварца и игрушки в виде глиняных фигурок зверей и птиц. Предположительно, судя по искусственным перегородкам из сплошных кольев в протоках Тшупта-ты и Кос-ты, таким образом ловили рыбу.

Следов по литью металла и использования руды не обнаружено. Отсюда можно сделать вывод, что металл приобретался в других местах. Не исключается смешение (заимствование) традиций с вычегодскими племенами по р. Вымь в поздний период. Хотя переселение части вымских коми-зырян происходило в основном в XV веке, отдельные группы людей уже ранее заселяли р. Ирву и Мезень (верхняя часть). По всей вероятности эти обстоятельства послужили основой для укрепления постоянных селений племён чуди и коми-зырян. Причём, судя по находкам, ванвиздинская культура сыграла решающую роль в освоении новых земель. А поздние периоды зарождения постоянных поселений в верхней части Мезени и по р. Ирва лишь являются тому подтверждением (с. Глотова-Слободка, 1554 г.; дер. Макарыб, 1558 г.; дер. Борово, 1666 г.; дер. Кучмозерье, 1668 г. и т.д.).

И в заключении можно выразить, что на р. Мезень, судя по всему, не складывалась ванвиздинская культура. Основной территорией обитания этноса, археологически представленного этой культурой была средняя Вычегда. Возможно, вычегодское население использовало бассейн средней и верхней Мезени в качестве дополнительной территории

промыслового освоения (создание поселений в охотничьих и рыболовных угодьях), что привело к накоплению здесь более традиционного («чистого») в отличие от «вычегодского», комплекса материальных остатков ванвиздинской культуры.

* * *

Если обобщить все результаты учётных мест находок за период 60-х – 70-х годов прошлого века, то получится весьма насыщенная география археологических памятников («Перечень» прилагается).

Что характерно, памятники в разных местах, в бассейне р. Мезень, относятся к разным периодам культур и эпох, но большинство – к бронзовому веку (II тысячелетие до н.э.). в результате раскопок по выявленным культурным слоям составлялась характеристика каждого объекта.

По характеру конструктивных элементов, извлечённых фрагментов и других материалов осуществлялись соответствующие исследования, а затем определялось датирование памятника.

№ п/п	Наименование памятника	Датирование по времени (эпоха, культура)	Местонахождение объекта
1	2	3	4
1.	Поселение Кувжим	Ванвиздинская культура	На правом берегу Мезени, выше устья р. Елва.
2.	Поселение Усогорск-III	____//____	На левом берегу Мезени, на территории нижнего склада п. Усогорск.
3.	Местонахождение Шешты	____//____	На правом берегу Мезени, ниже деревни Разгорт.
4.	Чернутьевское поселение	____//____	На правом берегу Мезени, на западной окраине с. Чернутьево.
5.	Стоянка Вендинга	____//____	У деревни Вендинга, правый берег Вашки, на правом берегу ручья Вень.
6.	Поселение Нимейчой - I	Эпоха бронзы (II тысячелетие до н.э.)	На левом берегу Мезени в устье реки Елва.
7.	Поселение Нимейчой – II	____//____	На левом берегу Мезени, севернее Нимейчой – I.
8.	Поселение Нимейчой – III	____//____	В 130 м севернее от Нимейчой – II.

1	2	3	4
9.	Поселение Нимейчой - IV	___//___	Место слияния рек Елва и Мезени в 200 м южнее Нимейчой – I.
10.	Стоянка Елва	___//___	На левом берегу Мезени, ниже устья Елва и рыббазы.
11.	Стоянка Макарыб	___//___	На левом берегу Мезени, выше деревни Макарыб, у кладбища.
12.	Стоянка Мозындор	___//___	На левом берегу Мезени, ниже деревни Макарыб,
13.	Стоянка Буткан	___//___	На левом берегу Мезени, западнее деревни Буткан, на восточном берегу проточного старичного оз. Буткан-ты.
14.	Поселение Усогорск - I	___//___	На левом берегу Мезени, на территории нижнего склада посёлка Усогорск.
15.	Стоянка Пежью	___//___	На правом берегу Мезени, у бровки террасы левого берега речки Пежью.
16.	Стоянка Нижне- Вылибская	___//___	На левом берегу старицы р. Мезень в окрестностях дер. Нижний Вылиб.
17.	Стоянка Изба	___//___	На правом берегу Мезени ниже по течению от деревни Елькиб.
18.	Поселение Ошчой - IV	___//___	На левом берегу Мезени, ниже деревни Чернутьево (урочище Ошчой)
19.	Поселение Ошчой - V	___//___	На левом берегу Мезени южнее поселения Ошчой – IV.
20.	Поселение Уип	___//___	На левом берегу Мезени выше устья реки Уип.
21.	Стоянка Мучкас	___//___	На левом берегу Мезени в окрестностях от деревни Мучкас.
22.	Стоянка Малая Пысса	___//___	На левом берегу Мезени, ниже деревни Малая Пысса.
23.	Стоянка Бычимъэль	___//___	На левом берегу Мезени, ниже деревни Малая Пысса.

1	2	3	4
24.	Поселение Лекчойди – I	____//____	На правом берегу Мезени, выше по течению от пос. Барма и одноимённого притока Мезени, напротив южной оконечности о-ва Лекчойди.
25.	Поселение Лекчойди – II	____//____	На правом берегу Мезени, близ о-ва Лекчойди.
26.	Стоянка Шогнес	____//____	На левом берегу Мезени в окрестностях Елвинской рыббазы (урочище Нимейчой)
27.	Стоянка Выль- видзская	____//____	Напротив деревни Выльвидзь, на правом берегу реки Вашка, в бору, недалеко от устья р. Содзима.
28.	Вильгортский могильник	XII – XIV века н.э.	На правом берегу Вашки, близ деревни Вильгорт.
29.	Чернутьевский могильник	XV век	На правом берегу Мезени, восточнее села Чернутьево.
30.	Поселение Нимейчой - V	Эпоха раннего железа (I тысячелетие до н.э.)	На левом берегу Мезени в окрестностях Елвинской рыббазы (урочище) Нимейчой
31.	Поселение Руччой	Ананьинское время	На левом берегу Мезени, выше деревни Зерзьяиб, в местности Руччой.
32.	Поселение Ус- I	____//____	На правом берегу реки Ус (левого притока Мезени), у водозаборной станции пос. Усогорск.
33.	Стоянка Ус - III	____//____	На правом берегу реки Ус, у водозаборной станции пос. Усогорск, близ поселения Ус – I.
34.	Поселение Кыстырью	Неолитовая эпоха (III тысяч. до н.э.)	На правом берегу Мезени, ниже деревни Чернутьево
35.	Поселение Ошчой - I	Время энеолита	На левом берегу Мезени, ниже деревни Чернутьево (урочище Ошчой).
36.	Поселение Ошчой - VI	Неолитовая эпоха	На левом берегу Мезени северо-восточнее о поселения поселения Ошчой – V

1	2	3	4
37.	Стоянка Усогорск - IV	____//____	На левом берегу Мезени, на территории нижнего склада пос. Усогорск, западнее поселения Усогорск – III.
38.	Стоянка Ус - II	____//____	На правом берегу реки Ус у водозаборной станции пос. Усогорск, недалеко от поселения Ус – I.

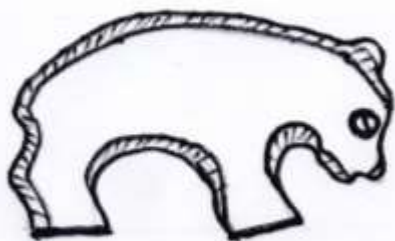
Остальные 18 памятников (местонахождения, стоянки и поселения) не имеют точного определения по времени. В любом случае следует заключить, что древние местообитания людей на территории Удорской земли имеют исконные корни от начала зарождения первичных цивилизаций. Причём, древнейшие племена были носителями посылов для образования впоследствии отдельных народностей, в том числе и коми этноса.

Примечание:

В подготовке настоящего проекта использованы материалы доктора исторических наук А.М. Мурыгина, В.С. Стоколоса, Э.А. Савельевой информация А.В. Логинова (житель Удорского района) и личные исследования А.И.Вурдова.

Приложения

Найденные экспонаты

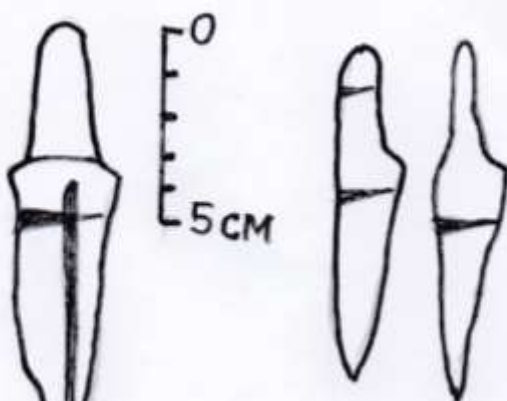

медведь

хищная
птица

а) Культовые предметы (бронза)

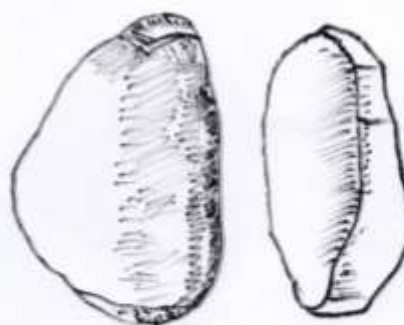
б) Железные
ножи

в) Кремьень

г) Коло тушка (кость)

д) Отбойник (камень)

**ЛОПАТА ХОЗ.
(КОСТЬ)**

**ТОПОР
(ЖЕЛЕЗО)**

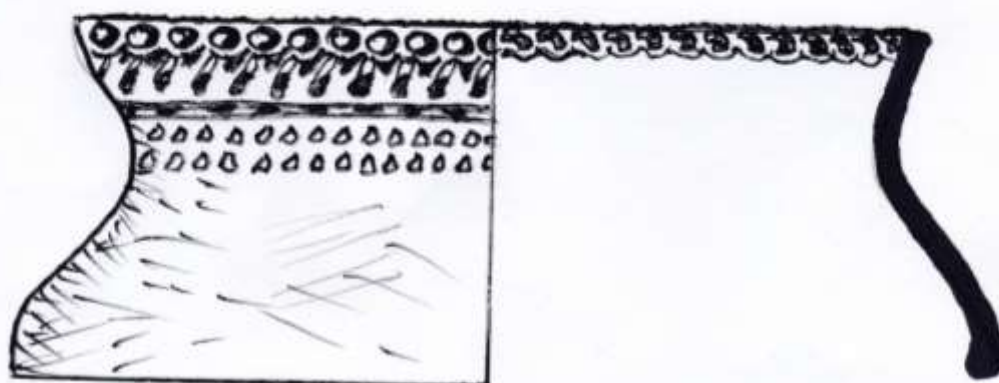
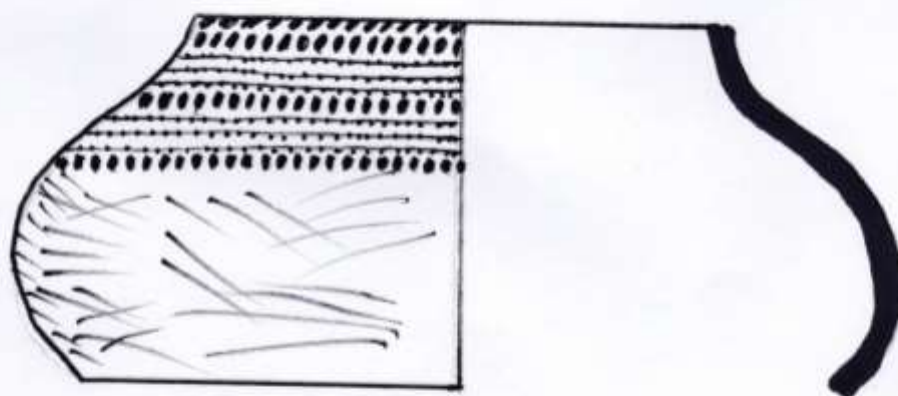

**ВИЛЫ
(КОСТЬ)**

**СКРЕБОК
(КОСТЬ)**

ОБРАЗЦЫ СОСУДОВ. КЕРАМИКА. (РЕКОНСТРУКЦИЯ)

Находки в бассейне р. Ирва

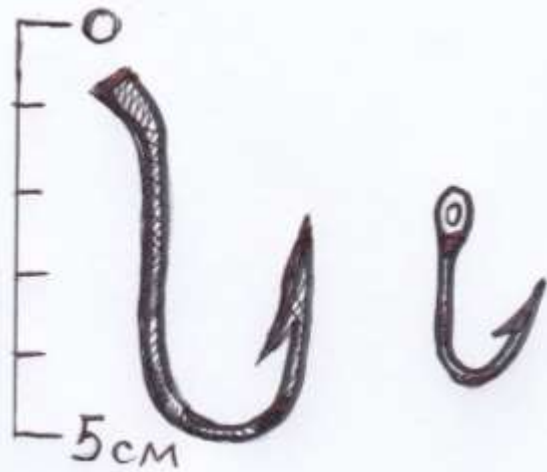
а и б) Наконечники стрел (железо)

в) Наконечник копья

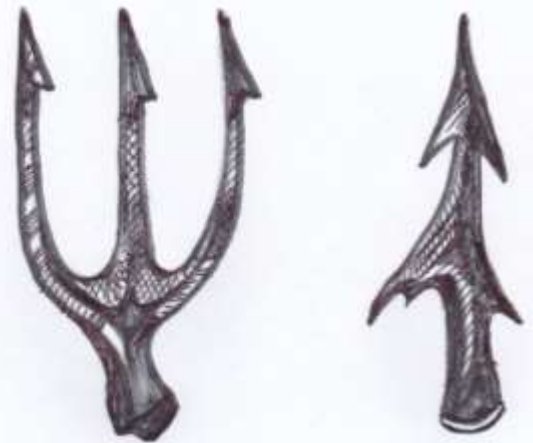

з) Фрагменты скульптур идолов (дерево). Реконструкция.

а) Крючки
рыболовные

б) Острота
(железо)

в) Скребок

г) Иглы (кость)

д) Женская гребёнка
(кость)

Эпilog

Очевидно, что древняя история Удоры малоисследована и малоизучена. А сколько ещё тайн неразгаданных? Но, тот факт, что именно племена древних людей, заселявших бассейны северных рек, сумели найти историческую общность между собой и заложить фундамент для образования народности коми. И ключевую роль в их объединении, в частности, на территории Удорской земли, помимо природных богатств, сыграли устойчивые формы жизнеобитания, культура и общие традиции. Поэтому сложившиеся в древности родовые устои веками удерживали и продолжают удерживать постоянство по месту жительства местных коми жителей. Достаточно сравнить количественные показатели поселений, а именно, если в 17 веке всего насчитывалось около 27 постоянных мест, то в 19 веке – более 40, включая малые деревни и уровень нарастания всё более нарастал.

Хотя сегодня с сожалением надо признать и демографические изменения, и смешение разных национальностей, и постепенное «выхолащивание исконных традиций», и утеря отдельных этнографических ценностей, и снижение численности комиязычного населения...

Увы, времена меняются!

А всё-таки, надо всем нам помнить, **без прошлого нет будущего!**

Герб Удорского Края

Оглавление

Введение	2
Часть I. Быль о древней Удоре	5
Часть II. О чуди	30
Часть III. Археологические памятники древности на территории Удорского района Республики Коми (по состоянию на 2001 г.)	60

Рисунки автора книги.

Автор книги выражает огромную благодарность за техническую обработку материалов Морозовой Надежде Степановне (МУДО «Дом детского творчества» пгт. Усогорск).